

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Лист ожиданий 125

Александр МАРДАНЬ

Лист ожиданий

Комедия в 9 актах по мотивам Бернарда Слэйда
для трех действующих лиц

ОН — Константин
ОНА — Вера
ОНО — Время (1975-2005 гг.)

АКТ I

В трех картинах
1975 год.

Картина 1

Номер гостиницы с четырьмя отдельными кроватями. Приглушенно слышна песня, которую исполняет ресторанный ансамбль:

"Ах, белый теплоход! Гудка тревожный бас
Встречает за кормой сиянье синих глаз.
Ах, белый теплоход, бегущая вода,
Опять уходишь ты, скажи, куда?"

Входит совсем не трезвый молодой человек лет 25, в костюме, без галстука. В руках у него бутылка шампанского и коробка шоколадных конфет. Гостеприимным жестом распакивает дверь. Входит красивая женщина в элегантном костюме, с огромным букетом роз. Походка ее не слишком тверда, видно, что она навеселе, но в то же время смущена и чувствует себя довольно неудобно.

ОН: ...А он мне говорит: "Случай — это псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться своим именем..." Заходите. Чувствуйте себя как дома. Простите за некоторый беспорядок.

В номере в самых неожиданных местах лежат и висят предметы мужского туалета, носки почему-то нашли свое место на усиках антенны телевизора.

Мужчина быстро сбрасывает носки с антенны.

Женщина проходит вглубь комнаты, пытаясь найти, во что можно было бы поставить цветы. Мужчина в это время подает кому-то невидимому в гостиничном коридоре странные знаки руками, в свободном сурдопереводе они должны означать: очень прошу, ну на полчаса, благодарность не будет иметь границ в пределах 10 рублей.

ОН: Ну вот, мы почти одни. (Закрывает дверь.)

ОНА: Куда же все-таки поставить цветы?

ОН: В кувшин, в любой из них.

Возле каждой из кроватей на тумбочках стоят одинаковые пустые кувшины. Женщина кладет цветы на одну из тумбочек и уходит в ванную. Мужчина включает телеви-

зор, из него доносится знакомая мелодия, сопровождающая информацию о погоде в ночных новостях. В этот момент раздается настойчивый стук в дверь. Мужчина выключает телевизор, но стук не прекращается. Из-за двери доносится голос:

ГОЛОС: Это администратор гостиницы, откройте, гостей после 23 часов проводить в номер запрещено. Откройте!!!

Он судорожно ищет по карманам десятку, находит ее и, зажав в руке, как гранату, открывает дверь, одновременно закрывая своим телом дверной проем, не позволяя ворваться в номер блюстителю нравственности. После недолгого противостояния на секунду исчезает в коридоре, громкий голос администратора неожиданно смолкает. Он возвращается, как человек, совершивший бессмертный подвиг и оставшийся при этом в живых. Победно озирает четырехместный номер, ныряет в чемодан и добавляет к натюрморту, состоящему из бутылки шампанского и конфет, пачку "Marlboro" и бутылку армянского коньяка "Арагат". Из ванной доносятся звуки текущей воды. Он срывает лепестки у одной из роз, приподнимает покрывало на одной из постелей, собираясь посыпать лепестками простыню. Что-то его останавливает, и он проделявает эту процедуру на следующей кровати. Снова включает телевизор, но передача закончилась. Включает "точку", она мелодично потрескивает. Открывает шампанское, наполняет два осиротевших без кувшина стакана и направляется с ними к двери ванной. В это время из "точки" звучит голос диктора.

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА: "В Москве — полночь".

Звучат куранты, бой часов на Спасской башне. В дверь ванной он стучится под звуки гимна СССР, дверь открывается, гаснет свет, через несколько секунд гимн замолкает, а еще через секунду исчезает звук текущей воды.

Картина 2

На сцене темно.

ГОЛОС РАДИОДИКТОРА: "В Москве — 6 часов утра".

В темноте вновь начинает играть гимн. Зажигается свет, мужчина, прикрываясь подушкой, движется от выключателя к "точке" и, преодолевая препятствия в виде других кроватей, выключает "точку". Гимн затихает. Он возвращается на цыпочках к выключателю. Она прячется с головой под простыню. Свет гаснет.

Это действие продолжается несколько секунд, но зритель успевает заметить, что по всей комнате разбросаны так и не поставленные в кувшин розы вперемешку с предметами мужского и женского туалетов, на антенне телевизора вновь мужские носки, постели разобраны на всех четырех кроватях.

Следующее пробуждение происходит уже при заполнившем номер дневном свете.

Картина 3

Комната наполняется светом. Пустая разобранная постель в лепестках роз. Мужчина спит на другой, через одну, кровати. Звуки воды из ванной, вероятно, будят его. Он просыпается, садится в постели, сбрасывает простыню, с удивлением смотрит на брюки, в которых он почему-то досыпал остаток ночи, на надетую задом наперед майку, с переодевания которой начинаются его первые движения.

Потирая голову, он произносит, проверяя дееспособность речевого аппарата.

ОН: "Если выпил хорошо — значит утром плохо. Если утром хоро-

шо — значит, выпил плохо". (Встает с постели, подходит к телевизору, снимает носки с антенны, напевая.) "Свой уголок я убрала носками...".

Надевает их. Включает телевизор, телевидения еще нет, зато слышен голос радиодиктора, общающийся о трудовых победах строителей БАМа.

Из ванной появляется ОНА. Ее наряд состоит из жакета вечернего костюма и юбки-сарни, роль которой играет простыня.

ОНА: Доброе утро... Костя. (Произносит его имя не совсем уверенно.)

ОН (отвечает почти уверенно): Доброе утро, Вера.

ОНА: Костя, вы не видели моих, ну, этих...

ОН: А-а... (Соображает, приподнимает одеяло на одной из кроватей, затем на другой, достает и протягивает Вере трусики.) А юбка? (В голосе слышна готовность продолжать поиски.)

ОНА: Спасибо, юбка есть. (Идет в ванную.)

ОН: Вера, а вы не помните, я в ресторане был в галстук?

ОНА: Да, но потом вы его сняли и связали розы, которые забрали у цветочницы.

ОН: Как — забрал?

ОНА: Наверно, хотели произвести на меня впечатление. Цветочница не возражала, но настаивала на пересчете. Оказалось 25, а вчера было 25-ое. Вы сказали, что это судьба, и от нее нам не уйти, и заказали такси, чтобы ехать в гостиницу, хотя ресторан в этом же здании, на первом этаже.

ОН: Это я все помню, а деньги, деньги я ей отдал?

ОНА: И не сомневайтесь. (Скрывается в ванной.)

Приглушенный голос диктора сменяется популярной песней-песенкой: "С добрым утром, с добрым утром и хорошим днем".

Внимание Константина концентрируется на руках, он подносит кисти ближе к глазам. На лице отражается работа отдела мозга, отвечающего за безопасность самого лица. Он достает из-под кровати пиджак, а из его бокового кармана записную книжку, перелистывает. Ничего не найдя между страницами, прячет обратно, ощупывает другие карманы пиджака, выворачивает карманы брюк. Звучащая жизнерадостная музыка не гармонирует с его озабоченно-расстроеным лицом. Механически надевает рубашку, засовывает ноги в туфли, озабоченность сменяется радостью. Он снимает туфель и достает из него пробку от бутылки с коньяком, стоящей на одной из тумбочек. Водворяет пробку в полупустую бутылку, ногу — в туфель. С раздражением выключает телевизор, вновь заговоривший про трудовые победы, и замечает на нем предмет своих поисков.

Пытается надеть на безымянный палец правой руки обручальное кольцо, которое не налезает на несколько отекающую от выпитого конечность. За этим занятием его застает вышедшая из ванной Вера.

ОНА: Это Вы мое кольцо пытаетесь надеть, вот ваше, оно было в мыльнице и чуть не провалилось в слив.

Без признаков торжественности они обмениваются обручальными кольцами.

ОНА: Почти, как в ЗАГСе. Вчера еще были холостыми, а сегодня...

ОН: Никогда не считал моногамию достижением человечества. И потом, наличие института верных ленинцев предполагает существование ленинцев — не верных.

ОНА: Давайте Ленина не трогать, я на эту тему анекдотов не люблю. Должно же быть хоть что-то святое.

ОН: Что-то должно быть, это правда. Вера, вы меня простите за вчерашнее, но вы мне так понравились... Я обычно робею и не умею знакомиться с женщинами, особенно с такими красивыми. Я, кажется, говорил, что не женат, это к счастью, то есть, к сожалению, неправда. Но вы, к счастью, то есть, к сожалению, тоже. Хотя какая разница, если сегодня 25-ое, в букете оказалось 25 роз, а мне, кстати, 25 лет... А вам?

ОНА: Костя, бойтесь женщин, которые сообщают свой возраст. Женщина, способная на это, способна на все. А что касается 25-го... К сожалению, а может быть, к счастью, 25-ое было вчера, сейчас мне пора, у меня в 3 часа самолет в Москву. Вчера мы с подругой договорились отметить окончание путевок, она из соседнего санатория, тоже 4-го управления. Но она не пришла, а может, я ресторан перепутала, и она меня сейчас ищет.

ОН: Ее я не помню.

ОНА: Когда я поняла, что она не придет, и пошла к выходу, оркестр заиграл про белый пароход. Вы подбежали, пригласили на танец, сказали, что морякам под эту мелодию отказывать нельзя, а то у них чего-то там под килем не хватит. Вы в самом деле моряк? Или только до утра?

ОН: Моряк, моряк, правда "камышовый", то есть береговой. Инженер в порту, в одесском.

ОНА: "Шаланды полные кефали"... Одессит, моряк, да еще и Костя?!

ОН: Правда. Я здесь в командировке.

ОНА: К счастью или к сожалению?

ОН: К полному удовлетворению материальных и духовных потребностей советских людей.

ОНА: ...Просто не знаю, что вчера со мной произошло, может розы, может лепестки, может ваши истории про волны выше сельсовета. (Пауза.) Я люблю своего мужа, он замечательный человек, и ничего подобного со мной никогда не случалось. Поэтому простите, и не провожайте меня.

ОН: Вера, оставьте адрес, хоть телефон, я буду писать, звонить, на работу, конечно. Кстати, где работает очаровательная москвичка?

ОНА: В Москве... Константин, мы с вами, наверно, больше не увидимся, а с собой мне еще в зеркале глазами встречаться.

ОН: Я понимаю, что все случившееся — еще не повод для знакомст-

ва, но не откажите простому инженеру в рабочем телефоне, я вас буду с праздниками поздравлять.

ОНА: А смысл?

ОН: Но все-таки я вас спас от изнасилования!

ОНА: Этого я не помню. Каким образом?

ОН: Я вас уговорил. (После паузы, с пафосом.) Вера, а если это Любовь?

ОНА (смеясь): Если любовь, значит, встретимся через год, в этом же ресторане. Под песню про белый пароход. (Направляясь к двери, останавливается.) Выгляните, нет ли там этого Цербера.

ОН (выглянув в коридор): "Фермопилы свободны, спартанцев нет".

Вера чмокает его в щеку и уходит.

Константин закрывает дверь. Проходит по комнате, под одной из тумбочек находит свой галстук, подходит к постели, сбрасывает с нее лепестки роз. У него вид человека, столкнувшегося в своей квартире с незнакомыми вещами и мебелью.

Произносит как бы про себя, но громко, с сарказмом, при этом пытается завязать галстук:

ОН: "4-е управление, 4-е управление, — там полы паркетные, а врачи анкетные". (Галстук не завязывается, он начинает эту процедуру снова.) И вообще, "Если женщина в постели хороша и горяча — это личная заслуга Леонида Ильича!"

Раздается стук в дверь, он радостно бежит открывать. Из полуоткрытой двери голос уборщицы.

ГОЛОС: "Освободите номер, уборка".

Расстроенный, набрасывает пиджак, включает "точку" и выходит из номера.

Из динамика несется:

"Не надо печалиться, вся жизнь впереди,
вся жизнь впереди, надейся и жди..."

АКТ II

1976 г.

Гостиничный номер с двумя отдельными кроватями. Приглушено слышится грохот ресторанного оркестра. В номер входит заплаканная Вера. На ней — шорты и футболка, в руках — сумочка и роскошный букет роз. За Верой идет Костя в красивом вечернем костюме, белой рубашке и галстук.

ОН: Вера, пожалуйста, не расстраивайтесь. Я сейчас все устрою.

ОНА (дрожащим голосом): Приехала — а здесь этот швейцар... Я ему пытаюсь объяснить, что в аэропорту багаж пропал, а он ничего слушать не хочет. (Всхлипывает.) Кричит, что у них приличный ресторан, и таких, как я, в него не пускают. (Пауза.) Наверное, не надо было мне сюда ехать. Все не так...

ОН: Вера, сейчас все будет так.

ОНА: Костя, восемь часов вечера... Если в городе советская власть, то уже все закрыто... Ничего не получится.

ОН: Именно потому, что в городе советская власть, все будет в порядке. И все откроется.

Костя усаживает Веру в кресло, сам садится к телефону, листает справочник, набирает номер. Вера тем временем встает, чтобы поставить букет в вазу.

ОН (уверенным, не терпящим возражения тоном): Алло! Центральный универмаг? Девушка, мне срочно нужен домашний телефон вашего директора. (Пауза.) Милая, неужели вы думаете, что у меня нет часов? Я знаю, что рабочий день кончился, но мне нужно срочно. Это Романов из первого отдела. (Пауза.) Она еще на работе? Ну, просто замечательно. Все забываю — Татьяна Алексеевна или Александровна? Ирина Николаевна? (Смеется.) А-а! Это я ее с директором коопторга перепутал. Все, добро!

Вера ошарашено смотрит на Костю.

ОНА: Костя, какой первый отдел? Вы что — особист?

ОН: Ну разве я похож на особиста? Первый, третий, пятый... Никакой разницы. Вера, какой ваш любимый цвет?

ОНА: Сиреневый.

ОН (набирая номер): А размер обуви?

ОНА: Тридцать седьмой.

ОН (в трубку, прежним уверенным тоном, почти без пауз): Ирина Николаевна? Вечер добрый! Романов из первого отдела. Голубушка, у нас тут ЧП. Съёмочная группа с Мосфильма прилетела, в составе — иностранцы, и такой конфуз — у Мишель Мерсье в аэропорту багаж пропал! Да-да, та, что Анжелику играла. А через час у нее в "Приморском" творческий вечер. Так что срочно нужно платье. Ну, вы сами понимаете, какое... Дефицитное... Чтобы не стыдно было перед нашей гостьей. (Пауза.) Размер? Минутку. (Спрашивает у Веры про размер по-английски. Вера от испуга и неожиданности только пожимает плечами. Костя осматривает ее с ног до головы.) На рост метр семьдесят размер сорок шестой. Желательно сиреневое. И туфли, тридцать седьмой. Какого цвета? К платью, конечно. Записали? (Пауза.) Нет-нет, вечер закрытый... Контрамарку? Ой, сложно... Это надо с Егор Кузьмичом согласовать. Но я постараюсь что-то придумать. (Приказным тоном.) Ирина Николаевна, не подведите! Все. Через пять минут "Чайка" будет возле универмага. Да, мы оплатим, референт из ЦК передаст вам

деньги. Завтра проведете по кассе, отдадите сдачу. Вопрос политический! Всего доброго.

ОНА: Костя, вы просто сошли с ума! Ну, допустим, она вам поверила. Но где вы возьмете "Чайку"?

ОН: У жениха с невестой. В ресторане гуляет свадьба, разведутся они нескоро. (Подходит к Вере и немного нерешительно ее обнимает. Она отстраняет его мягко, но решительно.) Не скучайте без референта. Я сейчас вернусь. (Выходит из номера.)

Вера подходит к телефону, набирает номер.

ОНА: Алло! Мама? Это я. (Пауза.) Да, долетела хорошо. Тут тоже жарко. Как Олег? Опять? С кем? (Пауза.) С Виталиком из средней группы? Обоих наказали? Правильно сделали. И в кого он такой драчун? (Пауза.) Ну все, целуй его. За меня не беспокойся. Сейчас приму душ и лягу спать. (Пауза.) Ой, мам, кстати, я Свете забыла сказать... У тебя же есть ее телефон? Позвони и скажи ей, что списки на Австрию уже завизированы, они у меня в сейфе. И резерв тоже завизировали. Если все будет в порядке, то в понедельник я уже выйду на работу. (Пауза.) Все, всех целую. Спокойной ночи.

Снова набирает номер.

Алло! Мариша, привет! Да, из Ялты. Представляешь — прилетаю в Симферополь, а багажа нет!.. "Летайте самолетами "Аэрофлота": завтрак в Москве, обед — в Париже, ужин — в Нью-Йорке. Багаж — в Бейруте". Надеюсь, что не в Бейруте, а во Внуково. (Пауза.) Стою в аэропорту и не знаю, что делать. Ждать, пока багаж найдут? А вдруг Костя меня не дождется? А может, он и не приехал?.. Ехать в Ялту без вещей? В шортах? Так и поехала... Такси брать одной вечером страшно, на автобус очередь... Приехала, как мокрая курица... В ресторан в таком виде не пустили. Хорошо, что парень один заходил, согласился Костю поискать. Спрашивает: как он выглядит? А я сказать толком ничего не могу. Думаю, вдруг я не так его помню? Все-таки, год прошел... Выходит... Я его представляла совсем другим. А он еще лучше... (Улыбается.) Не знаю... Побежал за платьем. Поднял на ноги полгорода, представился референтом ЦК, а я пока исполняю обязанности Мишель Мерсье... (Пауза.) Да, поверили. Что ты хочешь, — провинция. (Пауза.) Ой, Марина, ничего не знаю... (Пауза.) Я представляла, как крашусь, причешусь, оденусь... Помнишь, мое любимое, сиреневое?.. А тут — все как назло. (Пауза.) Интересно было, придет он

или нет. А как можно это проверить, не приехав самой?.. (Пауза.) Ну ладно, Мариночка, из всей артподготовки остался только душ, им и воспользуюсь. (Пауза.) Что тебе привезти? Море? Сколько литров? (Пауза. Смеется.) Ну ладно, все, до встречи.

Вера прохаживается по номеру, подходит к телевизору, включает его (звучит песня Льва Лещенко: "Ты помнишь, плыли в вышине и вдруг погасли две звезды, но лишь теперь понятно мне, что это были я и ты"...) и уходит в ванную.

В номер входит Костя, у него в руках сверток и шляпа с большими полями. Он подходит к двери ванной, слышит звук льющейся воды, кладет шляпу на стол и принимается распаковывать сверток. Раскладывает на кровати длинное платье нежно-сиреневого цвета. Когда Вера выходит из ванной, он опускается на колени и протягивает ей босоножки.

ОНА (потрясенно): Костя, Вы волшебник!..

ОН (явно довольный ее реакцией): Добытчик!

Вера, улыбаясь, берет платье и босоножки, видит шляпу.

ОНА: Боже! А это зачем?

ОН: Это — в нагрузку. У них сдачи не нашлось...

Вера снова скрывается в ванной. Костя тем временем садится к телефону, набирает номер.

ОН: Позовите руководителя оркестра? Он играет? Слышу, что играет. Громче, чем нужно. Позовите, это из отдела культуры, пусть подойдет. (Пауза.) Романов беспокоит. Песню про белый пароход знаете? Следите за входом в зал, как только зайдет женщина в длинном сиреновом платье, прерывайте мелодию и начинайте играть. (Пауза.) Так надо! Вопрос политический! (Пауза.) Исполняйте.

Заходит Вера в новом платье. Костя молча долго смотрит на нее.

ОНА (польщена, смеется): Позвольте представиться — Анжелика.

ОН: Очень приятно! Жофрей.

Вера берет Костю под руку, он демонстративно прихрамывает. Они выходят из номера. Свет постепенно гаснет. После паузы громко слышна песня "Ах, белый теплоход...".

АКТ III

В двух картинах

1980 год.

Картина 1

Гостиничный номер с двумя кроватями. На стене висит большой плакат-календарь с олимпийским Мишкой, рядом — принесенный откуда-то плакат "Пятилетке качества — рабочую

гарантию". На столе — хрустальная ваза с 25-ю розами и торт, в котором горят пять свечей. Рядом — арбуз, новенький кассетный магнитофон, коньяк "Арагат", шампанское и пачка "Marlboro".

Открывается дверь, входит Константин с Верой на руках. Он в костюме, она — в вечернем платье. Увидев плакат и торт со свечами, Вера начинает смеяться, и Константин чуть не роняет ее на пол. Став на ноги, Вера подходит к столу.

С двух сторон они одновременно задувают свечи на торте.

ОНА: Костя, у тебя талант по организации праздников, по тебе плачет отдел культуры ЦК.

ОН: При виде моей анкеты у твоих комсомольцев слезы высохнут сами.

ОНА: Да брось ты, у Брежнева самого жена еврейка, или брат жены. Нет, вспоминаю, муж сестры, то есть шурин.

ОН: Да, я знаю, в нашей стране евреи — такие же люди, как все. Только им чаще других приходится это доказывать.

ОНА (не обращая внимания на его реплику): А знаешь, как еще мужей сестер называют? (Что-то говорит Константину на ухо, оба смеются.) У меня для тебя подарок. Закрой глаза. (Достает из сумочки и надевает ему на руку часы.) Открой. С олимпийской символикой, такие нашим спортсменам дарили, — противоударные, и нырять в них можно на семь футов под килем. Я правильно футы указываю, товарищ камышовый моряк? Нравятся?

Константин рассматривает руку, на которой две пары часов.

ОН: Очень. Японские от советских уже на минуту отстают. Нет, действительно, нравятся, только потом браслет подрегулирую. (Снимает и кладет часы в карман.)

ОНА (несколько расстроено): Так и знала, не понравились.

ОН: Мне мама на день рождения подарила два галстука. Через неделю прихожу к ней на воскресный обед в одном из них. Смотрю — она чем-то расстроена, допытываюсь. Что, говорит, второй не понравился?

ОНА: Ты мне говорил, что у нас с твоей мамой много общего.

ОН: Ну, хотя бы я, это уже немало. Буду носить, честное слово. Я тебе про Хельсинкское совещание рассказывал? Нет? (Рассказывая, открывает шампанское, наливает его в оставшиеся от прежнего убранства номера граненые стаканы.) Выходят после заседания в холл перекурить Брежнев, Форд и Жискара д'Эстен. Форд говорит: "Господа, после подписания Заключительного акта в Европе начнется отсчет нового времени. Сверим наши хронометры", — и достает карманные часы на золотой цепочке. Щелкает крышкой, на крышке надпись: "Самому деловому президенту от бизнесменов Америки". Жискара достает свои: "Самому обаятельному президенту от женщин Франции". Брежнев — свои: "Графу Воронцову от графини Курагиной".

ОНА (приснув, но потом подавив смех): Как ты не боишься эти анекдоты рассказывать? Тут же все может прослушиваться. Один сероглазый товарищ говорил, что через телефон можно прослушать любое помещение, в котором он установлен.

ОН: Вера, не разглашай государственные тайны. И потом, за анекдоты уже давно не сажают.

ОНА: Не сажают, но визу закрывают.

Звонит телефон. Костя берет трубку, молча слушает, после паузы становится по стойке смирно, показывает Вере рукой на невидимые погоны на плечах.

ОН: Так точно, товарищ, да, искренне, искренне смеялась, товарищ полковник...

Кладет трубку. Вера смотрит на него с недоумением.

ОН (смеется): Это дежурная по этажу звонила. Она нас теперь любит, причем с каждым днем мы становимся для нее все дороже и дороже. Спрашивает, не сгорели ли свечки раньше времени. (Смеются оба.)

ОНА: Помнишь Марину? (Костя смотрит непонимающе.) А, ты же ее не можешь помнить... Моя знакомая, с которой я должна была встретиться в ресторане, в Ялте, когда мы с тобой познакомились. Она в тот вечер не пришла — прощалась с курортным другом, местным работником горячего цеха.

ОН: Какого цеха?

ОНА: Горячего: в жаре, по колено в воде. пляжный фотограф.

ОН: Теперь она ездит отдыхать только в Ялту?

ОНА: Представь, нет. Года три она ездила, а потом развелась и переехала к нему. В школе преподает! Это после кафедры МГУ! Можешь себе представить?

ОН: Могу. А ты?

ОНА: А я — нет. Сменить мужа — начальника треста на пляжного фотографа! Москву — на провинцию...

ОН: Ну почему — "провинция"? Курорт. Вон какие дамы отдыхать ездят. (Обнимает ее.)

ОНА: Курорт — для тех, кто отдыхает. А знаешь, что в Ялте, да и здесь, в Сочи, зимой делается?

ОН: Что?

ОНА: Ничего. Мертвый сезон. Жизнь заканчивается. Здесь надо, как растению, на полгода впадать в спячку...

ОН: Ну, а сама она что говорит?

ОНА (пожимает плечами): Говорит, что счастлива.

ОН (наливает в стаканы шампанское): Тогда давай за счастье.

ОНА: Кто-то меня убеждал, что в вопросах счастья он, как и Пушкин, атеист, и в него не верит.

ОН (со вздохом): Если бы мы пили только за то, во что мы верим...

Выпивают. Константин достает из шкафа пакет.

ОН: Теперь твоя очередь глаза закрывать.

Вера с радостью выполняет просьбу.

Он достает из пакета эротичную прозрачную ночную рубашку.

ОН (серьезным голосом): С олимпийской символикой.

ОНА (разглядывая рубашку, серьезно спрашивает): Где?

Ответ он шепчет ей на ушко. Оба смеются.

ОНА: Я должна это немедленно померить.

Уходит в ванную. Костя подходит на цыпочках к дверям и, убедившись, что заработал кран, быстро подходит к телефону и набирает номер.

ОН: Людочка, привет, это я. Да, все в порядке, еще на пару дней придется задержаться. Ну, ты же знаешь, конец квартала, всегда аврал. Ириша спит? Что у нее в школе? (Пауза.) А у тебя? (Пауза.) Ладно, все, целую, у меня всего одна пятнашка. Да, с автомата. Все, завтра позвоню.

Подходит к столу, включает новый кассетник. Звучит песня: "Миллион, миллион, миллион алых роз". Костя обрывает один из бутонов и сыплет лепестками постель. Раздевается под музыку. Открывается дверь ванной.

ОНА: При свете в этом ходить нельзя.

ОН: А Светы здесь нет, так что выходи смело.

ОНА: Не выйду. Гаси.

ОН: Эксгибиционизм в малых дозах полезен в любом количестве.

ОНА: Сейчас надену халат.

Под тяжестью последнего аргумента Костя подходит к выключателю и гасит свет со словами:

ОН: "Вот так и живем, в темном царстве".

Свет гаснет. Некоторое время слышна песня: "Прожил художник один, много он бед перенес, но в его жизни была песня безумная роз..."

Картина 2

Утро. Вера одна спит в постели, Кости в номере нет. Раздается стук в дверь. Проснувшаяся Вера прячется под простыню. Дверь открывается, входит Костя с полотенцем, переброшенным через руку, как у официанта, и с подносом, на котором дымятся чашки с кофе.

ОН: Товарищ ответственный работник, позвольте задать безответственный вопрос. Вам кофе в постель или в чашку?

Вера садится в постели, завернувшись в простыню.

ОНА: С буржуазным образом жизни бороться еще труднее, чем с мелкобуржуазным, товарищ безответственный работник. В постель, конечно, в постель.

ОН (ставит поднос на тумбочку, садится рядом): Эдуард Мане. Завтрак на тумбочке.

ОНА (пробует кофе): Индийский?

ОН: Обижает, бразильский.

ОНА: Поедем сегодня на Рицу? Мы в детстве, когда с родителями отдыхали в Сочи, всегда туда ездили.

ОН: "Кто на Рице не бывал, тот Кавказа не видал"... А меня в детстве только на Каролино-Бугаз возили, есть такое место под Одессой. С одной стороны море, с другой — лиман, между ними — песчаная коса...

ОНА: А что такое лиман?

ОН: Озеро, только соленое.

ОНА: А если озеро, то почему — лиман?

ОН: Турецкое название. То, что сейчас — наш юг, когда-то было севером Турции. Помнишь, папа Остапа Бендера был турецкоподданным... Ты — как наши вожди: полмира объездила, а в Одессе так и не была.

ОНА: А ты почему в зарубежную не хочешь? Сколько раз тебе предлагала, один звонок — и ты в списке. Или жену отправь. Капстрану не обещаю, а Венгрию или Болгарию — без проблем.

ОН: Спасибо, мы еще родной край не изучили. "Широка страна моя родная..."

ОНА: Окажите мне любезность, укройте в ванной, мне тоже нужно позвонить на оставшуюся "пятнашку".

ОН: Подслушивать некрасиво. (Направляется в ванную.)

ОНА: Ты настолько перевоплотился в верного мужа, что кричал в трубку, как на переговорном пункте. Даже если бы рядом был водопад, а не струйка из крана, тебя было бы слышно.

ОН: Постарайся не перевоплотиться в змею, когда будешь шипеть, прости, шептать шепотом, как делишься ты опытом... на семинаре крохотном.

ОНА (швыряя в скрывающегося в ванной Костю подушкой): Поэт-передвижник. Душ прими и о душе подумай...

Вера надевает халат, подходит к зеркалу, расчесывает волосы. Затем идет к телефону, снимает трубку, но в этот момент из ванной с намыленной головой появляется Константин.

ОН: Связь со столицей под угрозой, воды в кране нет.

Вера, вздохнув, идет в ванную, через секунду оттуда доносится шум воды.

ОНА (возвращается в комнату): А еще инженер!.. (Набирает номер.) Привет, ну как вы там? У меня все в порядке, завтра последний день семинара, послезавтра вылетаю, в Москве буду в четыре часа. Пришли водителя. (Смеется.) Да, и машину тоже пришли. Как Олежек? Кашляет? Действительно кашляет, или на музыку идти не хочет? Ладно, завтра пусть не идет. Да. (Пауза.) Конечно, соскучилась. Что тебе привезти? Про чурчелу я помню, что еще? Заднюю часть? Чью? (Смеется.) Не переживай, все свое ношу с собой. Ты еще помнишь, как это по-латыни? Я тоже. (Пауза.) Откуда?.. Из кабинета секретаря по идеологии, он любезно вышел, деликатный. Когда у тебя коллегия? (Пауза.) Ну, ни пуха, ни пера. Нет, скажи "к черту". Вот, теперь точно утвердят. Все, целую, не скучай. Пока.

Подходит к зеркалу, вглядывается в отражение, но, как у всякой женщины, общение с зеркалом ведет к изучению не глубины, но поверхности. В ванной стихает шум воды, появляется Константин в расстегнутой рубашке, с полотенцем на шее.

ОН (примирительным тоном): Хотел побриться, но с вечера еще не отросло. Раньше не мог понять, зачем английские джентльмены бреются два раза в день...

ОНА (будто не слыша сказанного): Твои замечания про "деление опытом на семинаре крохотном" я слышу в последний раз... У нас с тобой стратегический паритет. На одну твою жену приходится один мой муж. Так было, так есть и так будет.

ОН: Человеку даровано великое благо: не знать своего будущего.

ОНА (неожиданно раздражаясь): Чушь! Оставь свои банальные афоризмы!

ОН: Афоризм — это отредактированный роман.

ОНА: Да ну тебя...

Вера уходит в ванную. Костя включает магнитофон, вставляет кассету, закуривает, звучит "Охота на волков". На куплете "...Волк не может нарушить традиций, видно в детстве, слепые щенки, мы, волчата, сосали волчицу, и всосали — нельзя за флажки. Волк не может, не дол-

жен иначе..." Вера возвращается в комнату. Костя подходит к ней, несколько раз протягивает ей руку, но она, еще сердясь, отталкивает его. Наконец, она сама протягивает Косте руку, и он целует ее ладонь.

Костя наливает коньяк, разрезает арбуз. Песня заканчивается. Костя выключает магнитофон, протягивает один стакан Вере.

ОН: Не чокайся. Как он здесь точно — про нас и про флажки...

Выпивают, закусывают арбузом.

ОНА: Тебя не смущает, что мы завтракаем коньяком?

ОН: С утра не выпил — день пропал. (Подливает в стаканы.) А вообще, к такому напитку относиться надо как к женщине. Сначала полюбоваться его видом (поднимает бокал), затем согреть его своим теплом (сжимает стакан в ладонях), вдохнуть его аромат и лишь потом сделать маленький глоток, наслаждаясь вкусом.

Вера повторяет все действия за Костей, отпивает.

ОН (подливает в стаканы): Когда человек выпивает 50 грамм, он становится другим человеком, и этот другой человек тоже хочет выпить. (Чокаются и выпивают.)

ОНА: Ну что, поедем сегодня куда-нибудь?

ОН: А мне казалось, что тебе путешествий и без меня хватает.

ОНА: Хватает. Но иногда так жаль, что тебя нет рядом... Знаешь, кстати, я как впервые за границу попала? Это еще в университете было. Включили меня в состав тургруппы в Венгрию. Ну, все как положено, утверждение характеристик, бюро райкома, медкомиссия... Посадили нас в поезд, на границе стали загранпаспорта выдавать — раньше не рискнули, чтобы мы их не потеряли.

ОН: Это мудро!

ОНА: ...Всех называют, а меня — нет. Руководитель группы отозвал меня в сторону: "У тебя какая фамилия?". Я говорю — Заречная. Он: "Вот паспорт, фотография в нем твоя, а фамилия — Загорная. Варианта два: ты возвращаешься в Москву, человека, который ошибку допустил, конечно, накажут... И второй вариант: ничего никому не скажем, поедешь как Загорная". Понятно, что второй вариант мне понравился больше. А потом пограничники паспорта собрали, завели нас в таможенный зал и сказали заполнять декларации. А я свою новую фамилию вспомнить не могу! То ли Заславская, то ли Задорнова... Ну, думаю, все! В паспорте одна, в декларации — другая, в жизни — третья. Но — повезло, вспомнила. А в Москве меня друзья встречали. "Пока-

жи, какой он, загранпаспорт? А почему у тебя фамилия другая?" Отвечаю: так надо!

ОН: Пианистка Кэт... Так ты в девичестве Заречная?

ОНА: Меня в университете еще Чайкой называли.

ОН: А я, кстати, в драмкружке Треплева играл. (Декламирует.) "Женщины не прощают неуспеха. Если бы вы знали, как я несчастлив!" (Закуривает.) Есть, кстати, легенда, что в чаек переселяются души моряков. Поэтому они всегда летят вслед за судном. (Усаживает Веру к себе на колени и обнимает ее.) Ты знаешь, я нашей первой встрече в Ялте сначала значения не придал. Потом неделя проходит, другая... И я сам себе удивляюсь — что это я все о тебе думаю? Был в Москве, в ресторанах оглядывался... Представлял, как случайно тебя увижу, приглашу на танец...

ОНА: Да, ты танцевал лучше всех. Но не это было главное.

ОН: А что?

ОНА: То, что ты ни на кого не был похож... И не старался быть ни на кого похожим. (Вера встает, прохаживается по комнате, перебирает цветы в вазе.) Знаешь, первый раз я влюбилась в школе... В учителя литературы...

ОН: Красивый был?

ОНА: Не в том дело... Он мне тогда казался старым: представляешь, ему было 24 года! Борис Алексеевич... А потом увидела, как он с физичкой в коридоре целуется. Хотела в реке утопиться, страдала ужасно... И в театральное решила поступать, чтобы от него подальше. Через пару лет приехала домой и встретила его. И — ничего! Время и расстояние вылечили... И с тобой, думала, так будет. Не увижу год — и все пройдет. Но — не получается.

ОН (подливает коньяк): И что, поступила?

ОНА: Не прошла по конкурсу. Может, потому, что была в таком же платье, как одна дама из комиссии?.. Стояла за ним в ГУМе четыре часа и зубрила из Чехова: "Чем мне оправдаться?.. Я не мужа обманула, а самое себя..." Возвращаться в Горький не хотелось. Поступила на филфак.

ОН (обнимая Веру): Такой талант пропал!

ОНА: Не пропал. В семейных драмах играю без репетиций.

ОН: Ты, кстати, в курсе, что Горький переименовали?

ОНА (поверив серьезному тону Кости): Нет.

ОН: Был Горький, стал — Сладкий.

ОНА: Почему?

ОН: Так к вам же Сахарова выслали.

ОНА (смеется): Вот у кого талант пропал: врешь и не краснеешь!

ОН: Красною я только в бане. Кстати, мы на пляж сегодня пойдем?
ОНА: Мне еще на рынок надо — чурчхелу купить. Я из поездок местные вкусности привожу. В Ялте красный лук купила...
ОН: Не понял?! В Москве с луком напряженка?
ОНА: Это же красный лук, сладкий, крымский.
ОН: Не пробовал. И зачем нужен сладкий лук?
ОНА (игриво смотрит на него): А зачем горький шоколад? Ты же сам говоришь — то, что было Горьким, может оказаться Сладким...

Вера задергивает шторы, в номере — полумрак.

ОН: А как же чурчхела?

Постепенно свет на сцене гаснет, слышен шепот, поцелуи... Из-за окна доносятся шум набережной, крики чаек и песня из магнитофона в ближайшем кафе:
"Лаванда, горная лаванда,
наших встреч с тобой синие цветы...
Лаванда, горная лаванда,
сколько лет прошло, но помним я и ты..."

АКТ IV

1985 год.

Красивый гостиничный номер "люкс". Большая двупальная кровать. Цветной телевизор, картины на стенах. Хрусталь. В вазе, как всегда, 25 роз. Костя бродит по номеру, поправляет покрывало на кровати, смотрит на часы, проверяет, работает ли телефон. Обрывает лепестки одной из роз и бросает их на кровать. Включает радиоточку: звучит песня Антонова.

Моряку даны с рожденья
Две любви — земля и море,
Он без них прожить не может,
ими счастлив он и горд.
Две любви неразделимо
В нем живут — к земле и морю,
А граница между ним — порт, порт.

Константин подходит к телефону, набирает номер.

ОН: Алло, девушка, что с московским? Сел? Как — час назад, вы же сказали, что задерживается? Ах, два московских... Спасибо.

В дверь тихо стучат. Костя отворяет. В номер входит Вера, одетая с характерным шиком восьмидесятых. Видно, что она очень спешила. Ставит на пол большую дорожную сумку. Не сказав ни слова, они сливаются в долгим поцелуе.

ОН: Я до последней минуты не верил, что тебе удастся вырваться.

ОНА: Если бы ты знал, чего мне это стоило! Пришлось даже маму подключить. Она дала в посольство телеграмму, врачом заверенную, что

серьезно больна и хочет видеть дочь. "Товарищи" пошли нам навстречу, тем более, что мы уже больше года в Союзе не были.

ОН: А мужа ностальгия не замучила?

ОНА: Его непустили. Ожидается приезд Шеварднадзе в Нью-Йорк, и все стоят на ушах. Я вчера утром в Москву прилетела — и сразу к своим девчонкам в "Спутник" звонить, они мне с билетом помогли, иначе бы я к тебе из-за этих туристов выходного дня не вырвалась. А ты как?

ОН: Путевку взял. Выходного дня. Шучу. Обмениваемся опытом с рижским портом.

Вера осматривает номер, заглядывает в ванную.

ОНА (вздыхая): Да-а... Бедненько, но чистенько.

ОН: Ты считаешь? По-моему, шикарный номер.

ОНА (снижительно): Ты шикарных не видел... (Кивает на букет.) Двадцать пять?

ОН: Как всегда. Ну, а с мамой-то повидалась?

ОНА: Весь вчерашний день была с ней. Ой, кстати! Я же твоей маме привезла... (роется в большой сумке, вытаскивает из нее какие-то пакеты и заглядывает в них) таблетки эти... Не могу найти. Разница во времени — восемь часов, я в полусне каком-то.

ОН: Да ладно, брось, потом найдешь. Куда они денутся?

ОНА: Нет, лучше сейчас, потом не до того будет (кокетливо смотрит на Костю и снова роется в сумке). Как мама-то?

ОН: Врачи говорят — серьезного ничего нет, но в ее возрасте с этим не шутят.

ОНА: Да где же?.. Кошмар...

ОН: Что случилось?

ОНА: Я их наверно в такси оставила. Искала кошелек, пакеты на сидение вынула... Надо звонить в таксопарк. (Садится к телефону, набирает номер.) Алло, добрый вечер! Я только что на такси приехала, и в машине сумку оставила. Подскажите телефон таксопарка. (После паузы.) Спасибо большое. Да, благодарю вас. (Кладет трубку.) Администраторы здесь такие любезные... Даже про наши семейные узы не спросили, когда в номер провожали.

ОН: Подожди, еще не вечер.

ОНА (набирает номер): Алло, девушка, добрый день! Вы мне не можете, я в аэропорту... Что? Девушка, у меня один вопрос... Девушка!!!

Кладет трубку, растерянно смотрит на Костю и, подражая латышскому акценту, произносит:

ОНА: "По-русски не понимаю".

ОН (хохочет): Ура!!! Я наконец-то за границей! Здесь не понимают по-русски!

ОНА (по-прежнему растерянно): Я в Риге не первый раз, и никогда такого...

ОН: Это смотря на кого нарвешься. Не переживай, сейчас все устроим. Они же европейцы. Дай-ка телефон. (Набирает номер. Говорит по-английски.) "Здравствуйте! Не можете ли вы мне? Моя жена..." (замолкает и, прикрыв трубку рукой, говорит Вере): Переключают на кого-то. (продолжает в трубку по-английски): "Здравствуйте! Моя жена полчаса назад ехала из аэропорта в гостиницу "Латвия" на такси и забыла в машине пакет с лекарствами. Не можете ли вы мне... О, да, гостиница "Латвия", номер 911. Да, буду очень благодарен". (Кладет трубку и вздыхает.) Обещали привезти, но я разочарован.

ОНА: Чем?

ОН: Это не Рио-де-Жанейро. К дуракам и иностранцам у нас по-прежнему относятся лучше, чем ко всем остальным.

ОНА: Как жаль, что ты не был в Америке... С твоим английским тебе было бы еще интереснее, чем мне.

ОН: Вера, ты же знаешь, что у нас немому выехать за рубеж гораздо проще, чем полиглоту.

ОНА: Ошибаешься, документы инвалидов на загранку вообще не принимаются, за исключением ветеранских поездок.

ОН: Почему?

ОНА: Да потому что представители советского народа не могут быть немыми, глухими, одноногими или однорукими. Как, впрочем, и одинокими, то есть без родственников.

ОН: А одиноких почему не выпускают? Чем не угодили?

ОНА: А ты пофантазируй...

ОН (подходит к Вере и крепко обнимет ее): Верка! Ты соскучилась?

Целует ее. Вера вдруг вырывается

ОН: Что, еще что-то забыла?

ОНА: Я про лекарства... Наверное, не надо было звонить.

ОН: Почему?

ОНА: Пакеты эти американские с надписями, и внутри коробки с таблетками, и все на английском... Ты уверен, что таксист сюда пакет принесет, а не в "комитет глубинного бурения"? И придет уже не один...

ОН: И ты с ними не договоришься?

ОНА: Скажешь тоже! Я же не дома!

ОН (притворно-скорбно): Ну, тогда все... Ночевать будем не здесь, а... а как будет "Лубянка" по-латышски?

ОНА (озабоченно): Очень смешно!

Некоторое время сидят рядышком на диване в полном молчании.
Костя снова обнимает Веру, но она мягко отстраняется.

ОНА: Давай сначала отметим встречу. Я немного приду в себя.

ОН (смущенно): Сейчас все принесут.

ОНА: И коньяк принесут? День открытых дверей какой-то! Я думала, ты как всегда запасешься...

ОН: Извини, с местом не рассчитал. От этой гостиницы до морвокзала — ровно пятьсот метров.

ОНА: Ну и что?

ОН: Согласно гениальной инициативе минерального секретаря зона в радиусе километра от вокзалов свободна от спиртного. Поэтому сейчас здесь — как в Саудовской Аравии. Только с многоженством задержка.

ОНА: Это ты про себя?

ОН: Нет, про Михаила Сергеевича.

ОНА: Не смешно.

ОН: Разве? А знаешь, кто самые известные в Союзе люди? Райкин-отец, Райкин-сын и Райкин муж.

ОНА: А Райкин муж — это кто?

ОН: Да, воздух свободы сыграл с тобой злую шутку.

ОНА: А-а... Обязательно Косте расскажу.

ОН: А Костя — это кто?

ОНА: Райкин-сын. Мы с ним в Москве встречаемся в одной компании. (Садится за стол.) Так у нас что, безалкогольная свадьба?

ОН: Я послал человека в магазин, но там, боюсь, очередь.

Костя достает из портфеля и кладет на стол коробку конфет и апельсины.

ОНА: А французы называют алкоголь водой жизни — лё де ви.

ОН: А у нас лё де ви — вне се ля ви. Компрене ву?

ОНА: Оф кос!

ОН: Произношение выдает в вас жену советского дипломата.

ОНА: Ну, до дипломатов нам еще расти и расти.

ОН: Не прибедняйтесь, сотрудники торгпредства. (Берет Веру за руку и надевает ей на палец кольцо.)

ОНА: Какая красота! У нас сегодня помолвка?

ОН: Нравится?

ОНА: Спасибо, очень. (Целует Константина.)

ОН: Вера, я подумал...

Стук в дверь. Костя выходит и возвращается с подносом, на котором стоят чайник и две чашки.

ОНА: Мы сегодня чай пьем, с бальзамом?

ОН: Нет, надеюсь, бальзам без чая.

Пока Костя расставляет на столе чайник и чашки, Вера вынимает из дорожной сумки халат, но, подержав, кладет его на одно из кресел и садится за стол.

ОН: Ты же хотела переодеться?..

ОНА: Потом. Я хочу к тебе немного привыкнуть.

Костя смотрит на Веру с удивлением, смешанным с неудовольствием, затем продолжает накрывать на стол, разливает бальзам по чашкам.

ОНА: Что-то у нас... То коньяк из граненых стаканов, то бальзам из чайных чашек...

ОН: А какая посуда бывает в наших гостиницах кроме графинов и стаканов?

ОНА: Но здесь-то рюмки есть, давай перельем.

ОН: Нет, будем соблюдать конспирацию до конца.

ОНА: Если уж до конца, и мы маскируемся под чаепитие, то надо пить из блюдца.

ОН: Легко. (Поднимает чашку.) Земля — крестьянам, вода — матросам, а женщины — тем, кто их любит! (Чокается с Верой, а потом переливает бальзам в блюдце и пьет по-купечески, подперев локоть рукой.)

ОНА: Как ты там говорил? "Нужно согреть бокал в ладонях, полюбоваться янтарными бликами, вдохнуть аромат напитка и лишь затем пригубить его..."

Константин "греет" блюдце в ладонях и нюхает его.

ОНА (смеется): А ты не меняешься совсем. И внешне тоже. Хотя нет, похудел немного.

ОН: А ты похорошела.

ОНА: Перестань, от возраста только коньяк лучше делается...

ОН: Это намек? (Наливает. Достает из портфеля красную папку, на которой золотом вытиснено: "Победителю социалистического соревнования". Открывает ее и, стоя, торжественно произносит.) Гражданка, позвольте вам вручить аттестат об оконча-

нии нашей десятилетки. (Читает.) За искусство любви — отлично, за конспирацию — пятерка. Верность — зачет.

ОНА (смеется): Ну, хватит, давай сюда (читает "аттестат" про себя, потом кладет его на стол). Ох, когда уже мое чудовище аттестат получит?

ОН: Что, у Олега в школе проблемы?

ОНА: Как всегда.

ОН: Что опять натворил?

ОНА: Натворил?! Это мягко сказано! Нашел дома нотный сборник, выучил "Боже, царя храни"...

ОН: Откуда у вас такие песенники интересные?

ОНА: Это еще моей бабушки — она была пианисткой, Шалапину аккомпанировала, когда он в Нижнем Новгороде гастролировал... В общем, Олег сыграл "Боже, царя храни" на уроке пения, да еще и подговорил весь класс при этом встать...

ОН: Что ты хочешь? Наши дети — первое непуганое поколение.

ОНА: Ребенок тигра не боится... Пока не подрастет.

ОН: Может, потому что тигр уже старый? Или, как говорят китайцы, бумажный.

ОНА: Видел бы ты, как бумажного тигра американцы боятся! Во всяком случае, спасибо моей маме. Если бы не она, из-за этой музыкальной истории нас с мужем могли отозвать гораздо раньше срока.

ОН (с сарказмом): Господи, какая у торгпредов жизнь тяжелая! Врагу не пожелаешь!

ОНА (как бы не замечая его сарказм, озабоченно): Да, все это очень сложно. Мы — там, он с бабушкой — здесь... Но ведь мы через год уже вернемся. А как твоя Ирина? Она же скоро школу заканчивает? Может, ей в Москве поступать? С университетом я бы могла помочь, у меня там половина сокурсников на кафедрах. Пусть с факультетом определится.

ОН: Пусть. Только она, по-моему, не в университет, а замуж собирается.

ОНА: В десятом классе? А за кого?

ОН: Встречается с одним мальчиком. Правда, они уезжать собираются. В Америку.

ОНА: По еврейской линии?

ОН: По армянской. У них дядя — миллионер в Лос-Анжелесе.

ОНА: А ты?

ОН: Был бы это мой дядя — я бы еще подумал. А что? Встречались бы с тобой на углу Четвертой и Пятой авеню.

ОНА: Да, долго бы ты меня там ждал: они параллельные... Я считаю, что эмиграция во все времена — великое бедствие.

ОН: И лишь при советской власти о ней мечтают, как о загробной жизни.

ОНА: У меня почему-то такой аналогии не возникает.

ОН: У заграничников ввиду отрыва от Родины эти мечты временно отсутствуют.

ОНА: Те, кто уезжают, становятся там людьми второго сорта.

ОН: А те, что остаются здесь, — пятого. В соответствии с графой.

ОНА: Видел бы ты бывших наших на Брайтоне! Они пытаются найти себя, но удается это одному из тысячи.

ОН: Я давно обратил внимание, что за ограничение рождаемости борются те, кто уже родился... Ты видела Брайтон? Пусть и она посмотрит. Сама, а не кто-то ей всю жизнь будет рассказывать. (Наливает.) Возвращается маленький крот в нору и говорит: "Что я видел! Трава зеленая, небо голубое, солнышко теплое. Папа, почему же мы живем под землей?" — "Здесь наша родина, сынок". Вот давай за нее и выпьем...

ОНА: Давай, диссидент.

ОН: Диссидентов у нас нет. Есть отсиденты и досиденты. (Выпивают.) Ну, как тебе Союз после года в Америке? Есть разница?

ОНА: Знаешь, первое впечатление — чисто женское. Мне кажется, что американки покупают себе одежду на два размера больше, чем нужно, а наши — на два размера меньше.

Стук в дверь. Константин выходит и возвращается с подносом, на котором стоят два блюда, накрытые серебряными крышками.

ОН: А вот и закуска. (Открывает крышки.)

ОНА: Что это?

ОН (довольно): Лягушки — для лягушки путешественницы. Тем более что сегодня четверг.

ОНА: Ну и что?

ОН: Забыла, что такое рыбный день? Первый, кто скажет, что лягушки — это мясо, пусть бросит в повара камень. Подали как-то Иван-царевичу в Париже лягушку. Упала она оземь и превратилась в Василису Прекрасную. И сколько не бил ее об стол Иван-царевич, назад в лягушку превращаться не захотела... Пришлось съесть так.

ОНА (морщась, трогает вилкой лягушачью ножку, лежащую перед ней на тарелке): Ты считаешь, это можно есть?

ОН: Хотел тебя угостить, как ты это называешь, местной вкусностью.

ОНА (натянута улыбаясь): Спасибо, я попробую. (Нарочито долго орудует ножом и вилкой, наконец, подносит ко рту вилку с кусочком мяса, но снова кладет ее на тарелку.) Давай еще выпьем. Бальзам чудесный.

Константин наливает бальзам. В этот момент Вера спохватывается.

ОНА: Да, у меня для тебя — маленький сувенир!

Опять вытащив из сумки массу маленьких пакетов, достает со дна большую коробку и ставит на стол. Константин извлекает из упаковки видеомagnитофон.

ОН (ошеломленно и немного смущенно от дорогого подарка): Вера, ну... Спасибо!!! Теперь будем устраивать закрытые просмотры. О! Тут кассета выходит автоматически. Знаешь, как у нас борются с тлетворным влиянием? Приходит милиция и выкручивает в парадном пробки.

ОНА: Зачем?

ОН: Да-а, воздух свободы... А затем, что когда они с понятиями входят в квартиру (Костя зажимает себе пальцами, как прищепкой, нос и измененным голосом переводчика видео продолжает), "Эммануэль" еще в видеике. Встать, суд идет! Пять лет за распространение порнографии.

ОНА (изумленно): А если не порнография?

ОН: Ну, тогда три года за пропаганду насилия. (Увлеченно рассматривает магнитофон.)

ОНА: Сказали, что подходит к любым телевизорам, даже советским. Можем сразу проверить. (Достает из сумки две видеокассеты). Все на английском, хотя понятно и без перевода.

Костя начинает возиться с магнитофоном, вставляет кассету.

Вера тем временем, взяв халат, уходит в ванную.

Костя включает телевизор, переключает каналы. На одном из них — встреча Горбачева с трюдами. Слышны фразы: "Главное — начать, но процесс уже пошел". Женский голос: "Михаил Сергеевич, вы только будьте к народу поближе!". Горбачев: "Куда же еще ближе, товарищи?". Наконец, Костя подключает видеомagnитофон, раздаются характерные охи и вздохи, и через несколько секунд в номере гаснет свет. В темноте — голоса.

ОНА (испуганно): Костя, что случилось?

ОН: А это нас арестовывать идут. Я же сказал, что хочу магнитофон проверить...

ОНА: Ничего себе шуточки. (Слышно, что Вера вернулась в комнату.) Ты где? Ой, что это? (На что-то наткнулась в темноте.) Я к тебе иду.

ОН: О, черт! (тоже на что-то наткнулся, слышен звон разбившейся чашки.) Встречаемся на кровати.

ОНА: Хорошо.

Несколько секунд проходят в темноте и тишине. Вдруг включается свет, и выясняется, что в темноте Вера и Костя разминулись, прошли мимо кровати и идут в разные стороны. Увидев это, они начинают хохотать и падают на постель. Вера так и не переоделась в халат.

ОН: Да-а! А я уж думал — проверочка, и будет мне Верочка передачи носить.

ОНА: Ну, на то, чтобы передачи носить, у тебя есть жена.

ОН: Уже нет. Я развелся.

Посреди веселой перебранки повисает пауза. Вера и Костя так и остаются лежать на диване, не касаясь друг друга.

ОНА: Зачем?

ОН: Не зачем, а почему. Надоело.

ОНА: Но раньше тебя, кажется, все устраивало?

ОН (садится и закуривает): Я уже в порту начал учить немецкий, а в отпуске подрабатывал гидом-переводчиком с гэдээровскими группами. По крымско-кавказской линии с ними ходил. И вот как-то летом в Сухуми веду экскурсию по обезьяньему питомнику. Жара страшная, группа устала — и от обезьян, и от запахов, и от информации о резус-факторах. Экскурсовод, чтобы их немножко расшевелить, рассказывает об одном обезьяньем семействе. "У этого самца есть две жены: одна любимая, вторая нелюбимая". А в немецком языке глагол "любить" — это "либен", а "жить" — "лэбен". И я под воздействием жары перевожу: "Дизес манн хат цвай фрау. Айн лебедингер, айн ун лэбендегер". То есть, одна жена живая, а другая — неживая. Тут и группа оживилась: "Покажи, — говорят, — какая из них неживая". А я так понимаю, что "нелюбимая". "Наверно, вот эта". Они говорят: "Она же движется". А я: "Ну и что, все равно неживая". Долго мы так объяснялись, пока я не сообразил, в чем дело. Хотя, если вдуматься, нелюбимая — она все равно что неживая.

Оба молчат. Пауза становится тягостной.

ОНА: И что ты собираешься делать?

ОН: А ты?

ОНА: А при чем здесь я? Ты развелся, я тебя об этом не просила.

ОН: Выходи за меня.

Повисает очередная свинцовая пауза.

ОНА: Я не помню, говорила ли я тебе об этом... но я замужем.

ОН: Я серьезно.

ОНА: И я серьезно. У американцев есть поговорка: "Не надо чинить то,

что не поломалось". Извини, но, по-моему, ты как раз этим и занимаешься. Прекрасно знаешь — у меня с мужем нормальные отношения, мы живем вместе много лет, у нас сын, друзья, и я не понимаю, зачем что-то менять? Да и потом, его снимут с должности, отзовут из-за границы. Ради чего?

ОН: Действительно, ради чего? И ради кого? Конечно, я не могу тебе предложить обкомовского распределителя и служебной квартиры с видом на Гудзон. И друзья у меня — не народные артисты. Прав был Треплев: "Женщины не прощают неуспеха"... Но ты же сама говорила, что твой муж — слуга, и никакого не народа, а такого же слуги, только на ступеньку выше.

ОНА: Да причем здесь это?..

ОН (перебивая ее): Притом! Я не верю, что ты его любишь, что тебя волнует его карьера. Ты просто не хочешь терять все эти удобства, поездки... А я для тебя — просто мальчик по вызову, постельная принадлежность. Наши с тобой отношения — "Дама с собачкой"... сто лет спустя. Я — в роли собачки.

ОНА: Прекрати! Не суди о том, чего ты не знаешь и не можешь знать! Ты понимаешь, чего мне стоило прилететь сюда на несколько дней? Он не даст нам развода. И не даст нам жить вместе. Ты не знаешь, какие у него друзья и что они могут.

ОН: Вера, ну неужели тебе не надоело? Ложиться спать в одну постель, а просыпаться в другой? Обнимать одного, а чувствовать другого?

ОНА: Ты тоже обнимал одну, чувствовал другую, и спал в разных постелях. Если тебе это так претит, почему ты развелся только сейчас, через десять лет? Почему не сразу? Или это не ты, а с тобой развелись?

ОН: Не имеет значения.

ОНА: Имеет. (Примирительным тоном.) Костя, это глупо. Любой брак — это два-три года счастья, а потом — мирное существование. И у нас с тобой было бы то же самое. Семья — это, в конечном итоге, домашние тапочки. А наши встречи — туфли на высоких каблуках. Ты хочешь лишить нас праздника? Через какое-то время ты станешь искать его вновь. И я тоже. (Пауза.) По-настоящему мы любим лишь тех, кто позволяет нам оставаться самим собой. Не помню, кто это сказал, но я полностью согласна... Костя, мы же с тобой оба — лидеры. Два медведя... в одной берлоге?.. А дети... Как им это объяснить? (Помолчав, подходит к нему, смотрит в глаза.) Пусть все будет, как было.

ОН: Нет, как было — не будет. Даже если ты не захочешь выйти за меня.

ОНА: Что ты имеешь в виду? А, ну конечно, ты же не сможешь дол-

го жить один. Ведь так? Я права? А я чувствую — что-то не то... Теперь все ясно.

ОН: Что ясно? Нет, я не перестаю восхищаться твоей логикой! Я делаю тебе предложение, и тем самым разрушаю наши отношения? Это же бред!

ОНА: Это ты бредишь!

ОН: Прав был мой отец: жен меняют те, кто не умеет вовремя менять любовниц.

Вера, отшатнувшись, хватается плащ.

ОНА: Я пойду. Закажи мне такси.

ОН: Куда?

ОНА: В Америку.

ОН (берет в руки ее халат, брошенный на кресло): Так, не привыкнув, и уедешь?

Пытается ее обнять. Вера вырывается.

ОНА: Да пошел ты!

Уходит, хлопая дверью. Константин нервно ходит по номеру. Включает телевизор. Звучит песня, поют Лайма Вайкуле и Валерий Леонтьев:

"Смятение вы мое и грусть,
тот сон, что помню наизусть.
— Но вы вдвоем. Вы не со мною.
— Моей надежды яркий свет,
я шел к вам столько долгих лет.
— Но вы вдвоем, вы не со мною.
— Ах, вернисаж, мучитель наш!
Вы не одна, какой пассаж!
— Но вы вдвоем, вы не со мною.
— На этой выставке картин
сюжет отсутствует один —
где мы вдвоем, где вы со мной".

Стучат. Константин бросается к двери, но через несколько секунд возвращается в номер с пакетом в руках. Вынимает из него коробочки с лекарствами, затем бросает все на стол и выбегает из номера. Через некоторое время, перебивая песню, звонит телефон. В пустом номере долго раздаются звонки... Гаснет свет, умолкает телевизор, и телефон звонит уже в темноте и тишине...

АКТ V

1990 год.

Пустой номер в стамбульской гостинице. С улицы доносится крик муэдзина, призывающий правоверных на вечерний намаз. В номере разбросаны разнокалиберные коробки, в центре комнаты стоят два танка — детские игрушки с дистанционным управлением. Ваза с 25 розами. В номере появляется Константин в элегантном костюме, в галстук, с дипломатом.

Подходит к телефону, набирает номер.

ОН: Алексей Петрович, да, это Константин. Из Константинополя. То есть, из Стамбула. (Пауза.) Если мы сумеем отгрузить 300 тысяч, турки откроют аккредитив под 9 долларов за штуку, на 10 они не соглашаются. (Пауза.) По всем правилам стамбульского базара. Уходил. Прощался. Не возвращают. (Пауза.) Нет. Нет, не думаю. Девять пятьдесят тоже не дадут. Предоплату не сделают. Уже обожглись с ленинградцами. Хорошо. Перезвоните мне, я в "Диване". (Смеется.) Нет, это гостиница так называется.

Открывается дверь, заходит Вера. В руках у нее четыре больших пакета.

ОНА: Поздравь с обновками. За пять танков — кожаная куртка. Представляешь, прицепился ко мне один турок. "Наташа! Наташа! Зайди ко мне в магазин". Начал передо мной дубленки раскладывать. "Выбирай, любую подарю!" Такое впечатление, что они женщин никогда не видели...

ОН: Пойдем куда-нибудь? Кебаб съедим, кофе попьем. Ай-Софию посмотрим.

ОНА: Я читала, что когда ее строили, в основание по скифскому обычаю замуровали человека. Только не помню — зачем?

ОН: Чтобы колонны ровно стояли, трещин в стенах не было.

ОНА: Нет, не пойдем. Я после этого базара ног под собой не чувствую. (Сбрасывает туфли, вытягивает перед собой ноги.) Ну, конечно, натерла.

ОН: Где? (Садится на корточки, берет Верины ступни в свои ладони.)

ОНА: Надела новые, думала, разносятся.

ОН: О-о-о... Похоже, придется тебе до конца поездки в тапочках ходить. Кто же на базар отправляется в новых туфлях? А может, ты не меня, а турков потрепать хотела? Признавайся?

ОНА (смеется): Признаюсь, признаюсь... Как твои переговоры? Ты давно вернулся?

ОН: За три минуты до тебя. Переговоры — нормально. Они, конечно, упрямилась. (Отвернувшись от Веры, надевает противогаз.) Но я показал им товар лицом. (Поворачивается. Вера от неожиданности вскрикивает, потом смеется.) Что вы смеетесь? Что вы все смеетесь? Лучше наших противогазов только наши газы. Не понимать это может только турок. Еще неизвестно, куда повернет Хусейн после Кувейта.

ОНА: Ну, все о'кей? Контракт подписали?

ОН: До контракта еще торговаться и торговаться.

ОНА: Если за контракт пить рано, давай покупки обмоем.

ОН (открывая бар): Виски, тоник... И даже лед есть. Турки хоть и мусульмане, но пьющие. Ну что, уиьем уиски? (Берет бутылку и рассказывает анекдот.)

Одесса, пункт приема стеклотары. Мужик спрашивает приемщика: "Вы пустые бутылки из-под виски принимаете?" — "Да... Сэр," — отвечает тот.

Пока Константин наливает виски, Вера облачается в новую кожаную куртку и встает перед ним в эффектной позе.

ОНА: Ну как, сэр?

ОН: Леди, вы неотразимы. Теперь перед вами не устоит ни один мужчина Константинополя. (Протягивает ей стакан.)

ОНА: Из всего Константинополя меня интересует только один Константин, по фамилии Любимов. (Чокаются и выпивают.) Кстати, почему опять кровати раздельные?

ОН: Не страшно. Свяжем полотенцами, как в Таллинне.

ОНА: Ну, утром как-то на бегу — быстро-быстро, "сама-сама"... А ночевать хотелось бы вместе, а не рядом.

ОН: С разными фамилиями общая кровать не полагается.

ОНА: Я готова взять твою.

Костя делает "большие глаза". Вера походкой роковой соблазнительницы проходит по номеру.

ОНА: Сфотографируй меня! В куртке и с танком...

ОН (вынимая из сумки фотоаппарат): А как же конспирация? Такая улика! Как ты потом объяснишь, кто фотографировал и почему в кадре мужской галстук?

ОНА: Ну, если я смогла придумать, почему из десяти дней в Союзе я пять провела в Риге... Смелее, папарацци!

Костя фотографирует Веру. Раздается стук в дверь.

Костя выходит и возвращается с подносом. На нем — чай в рюмочках и рахат-лукум.

ОН: Не бойся, это не конспирация и не коньяк, а местный чай.

ОНА: Отлично. (Гладит рукой куртку.) Хорошая страна Турция. В чем бы ходили? "Березки" закрыли. Сколько у людей чеков пропало!..

ОН: Вер, кожаная куртка — это уже не актуально. Сегодня лучшая одежда — это "Мерседес". И вообще, тебе ли жаловаться? По-моему, у тебя проблем с гардеробом нет.

ОНА (некоторое время сидит задумчиво, поглаживая куртку): Мне иногда кажется, что я люблю модно одеваться, потому что всю юность проходила в перешитых маминых вещах.

ОН: Странное совпадение... Английская королева тоже любит модные вещи...

ОНА: Мне бы домой позвонить.

ОН: Сейчас организуем. (Отодвигает в сторону поднос со сладостями, ставит перед Верой телефон.) Ты о чем-то волнуешься?

ОНА (набирая номер): У Олега — ни дня без приключений... Сорвалось! (Набирает номер снова.) Я тебе не рассказывала, как его чуть из института не выгнали?

ОН: Интересно, за что?

ОНА: За чувство юмора. (Некоторое время молчит.) Снова занято. Попробую позже. (Кладет трубку. Костя подливает Вере и себе виски. Они выпивают.) К ним в группу направили кубинцев. Знакомиться стали. Один к Олегу подсел, с трудом фразу слепил: "Меня зовут Джордж". А тот: "А меня — Хозяин". Кубинец так и стал Олега называть. Однажды мимо декан проходил, услышал... Ну и все, скандал! Меня к ректору вызвали. "Расиста воспитали!.." Пришлось покраснеть, звонки из МИДа организовать. Отделались выговором.

ОН: Обошлось?

ОНА: А толку? Говорю: "Исключат!" Он: "Ну и что?". — "В армию пойдешь!!!" Смеется: "Представляю, как вы мне в Афган печенье будете отправлять".

ОН: Ну, слава Богу, в Афган уже печенье не шлют...

ОНА: А потом говорит: "Никакой это не расизм... Просто захотелось, чтобы меня хозяином назвали". И опять смеется: "Вы с отцом ничего не скрываете? Может, у нас в роду графья были? Иначе откуда это во мне?"

ОН: Белый медвежонок спрашивает у медведицы: у нас в роду бурые медведи были? Нет, не было, все белые, до третьего колена. Мама, почему же я тогда так мерзну?

ОНА: Это ты к чему?

ОН: К тому, что я бы ему больше самостоятельности давал. Будущее сегодня — не в карьерных вузах, а в свободном плавании. Тогда его хозяином будут называть по праву, а не по глупости.

ОНА: В свободном плавании можно и утонуть...

ОН: Можно. Но, судя по тому, что ты рассказываешь об Олеге, он любую стену прогрызет.

ОНА: А если зубы себе раскрошит? Тогда — эту стену лизать? Или плевать на нее из-за бугра?

ОН: Это у кого же из классиков ты такой образ социалистического общества нашла?

ОНА: Да ну их, классиков!

ОН (цитируя Веру): А как же Ленин, "не трогай святое", Сталин — "был культ, но была и личность..."

ОНА: Мы же не знали. Это сейчас все рассказали и напечатали!

ОН: Откуда же МЫ все это знали? Даже тогда, когда из правды радио сообщало только время. Просто ВЫ знать не хотели! Ладно!.. Вечная тема... Мы сейчас об Олеге. Ему просто скучно. Вы ему все на блюдечке поднесли...

ОНА: Никто ничего не подносил. Что, надо было икру под одеялом есть, а ребенку — спартанские условия? Глупость!

ОН: Глупость, конечно. Но, увы, родителей не выбирают.

ОНА: Точно так же, как и детей. А у тебя дочка что, ангел? В семнадцать лет замуж — это от большого ума или от хорошего воспитания?

ОН: Диалог по принципу: "Сам дурак, и шапка у тебя краденая".

ОНА (продолжает уже спокойнее): Я давно заметила — все понимают, как чужих детей воспитывать.

ОН: Махнемся?

ОНА: Легко сказать, твоя в Америке.

ОН: Ну, в Америке — не на Луне. Может, вернется.

ОНА: Ты перепутал, это с Луны все вернулись!

ОН: Ну, ты же в Америке не осталась?

ОНА: Что ты сравниваешь? А Олег? А мама? Что бы с ними стало?

(Почти примирительно.) Про тебя я уже не говорю...

Вера еще немного обижена. Костя несколько раз пытается взять ее за руку, пока она, улыбнувшись, наконец, протягивает ему руку, и он долго целует ее ладонь.

ОНА: Слушай, а давай кровати сдвинем?

ОН: Ход ваших мыслей мне нравится.

Сдвигают тяжелые кровати, потом, словно обессилив от тяжелой работы, падают в кресла. Вера берет пульт, и один из танков начинает ездить по комнате.

ОНА: Ты билет купил?

Костя тоже берет пульт, и его танк едет вслед за первым.

ОН: Я на листе ожидания. Билета нет, но, кроме Веры, есть Надежда, что он появится. (Игрушечные танки сталкиваются. Костя наливает виски и протягивает Вере стакан.)

ОНА: Третий тост — за тех, кто в море и за морем?

ОН: Нет, давай за Михаила Сергеевича! Благодаря ему мы становимся похожи на людей.

ОНА: Торгуя игрушками на базаре?

ОН: Не скажи. В своих тюках челноки привезут западный дух! Как когда-то декабристы из Парижа.

ОНА: Базарный — это точно, насчет западного не уверена. Да и что это изменит? Болтовни много. А в Москве собирают окурки, пачка сигарет сегодня такая же валюта, как пять лет назад бутылка водки. Этой стране нужен не логопед, а хирург.

ОН: "Пусть рухнет все, что может рухнуть от слова правды".

ОНА: Вот все и рушится! У меня подруга в Кишиневе. Там уже, как в Прибалтике, русским открыто говорят: "Чемодан, вокзал, Россия". Танки на улицах, причем настоящие...

ОН: А как иначе расхлебать кашу, которую 70 лет варили честные ленинцы?

ОНА: Надо было, как в Китае — начинать с экономики. И делать все постепенно, осторожно... Мой тесть считает, что перестройка затеяна для того, чтобы выявить врагов. Потом все закончится, как нэп.

ОН: Не-е-ет, пасту в тубик уже не затолкнуть. Потому что это — не нэп, а революция, которая одних поднимет, а других швырнет вниз.

ОНА: Боюсь, что никого она не низвергнет и вряд ли кого вознесет. И вообще, за ней хорошо наблюдать издалека.

ОН: Ты — как Рахманинов, который не понял значения Великого Октября, уехал в Париж. Потом понял... и уехал в Нью-Йорк.

ОНА: Кстати, о Нью-Йорке. Как дочка? Как зять?

ОН: На то он и зять, чтобы взять. Дядя у него, не помню, говорил тебе или нет, не миллионером, а мелиоратором оказался. Что-то там осушает, или наоборот, наводняет в Калифорнии. Но ничего, принял хорошо. В общем, все довольны, все свободны.

ОНА: А ты не собираешься?

ОН: Нет, уезжать сейчас — архиглупо (произносит это с ленинской картавинкой). Такие возможности открываются!.. Мне кажется, я открыл для себя формулу счастья: это когда ты победил сегодня и тебе есть за что бороться завтра.

ОНА: Азартен, Парамоша! Ты уверен, что тебя эта волна поднимет?

ОН: Ну, падать мне особенно некуда. Из порта я уволился, так что нищему пожар не страшен.

ОНА (пораженно): Но ты же был без пяти минут зам. начальника порта!

ОН: Вот именно — без пяти. Все, сюрпляс закончен.

ОНА: Что закончено?

ОН: Сюрпляс. Видела, как велосипедисты балансируют, чтобы быть ближе к стартовой черте, но не пересечь ее раньше времени? Мне надоело так балансировать. Полжизни прошел вполноги... В последнее время даже дурные мысли в голову лезли...

ОНА: Только не говори, что собирался стреляться, потому что не слали в заграникомандировки и не утверждали в должности.

ОН: В наше время чаще спиваются, чем стреляются... Я даже рад, что "система коридорная" рушится сразу. У меня на "постепенно" времени нет. "Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно". Как в анекдоте: сколько будет дважды два? Ну пять, ну шесть, но не семь! Эту таблицу умножения ПЕРЕСТРОИТЬ нельзя! Нужная новая. И меня ни пять, ни шесть не устраивают. Я хочу четыре. (Заглядывает в опустевшую пачку, комкает ее, достает и распечатывает новую, закуривает.) Как, кстати, у твоего мужа дела с умножением?

ОНА: Кресло под ним скрипит, но скрипучее дерево живет долго.

ОН: Значит, верхи еще могут? Так чего нервничать?

ОНА: Не знаю... Правы китайцы: нет большего несчастья, чем жить в эпоху перемен.

ОН: Когда дует ветер перемен, глупый строит стену, а умный — ветряную мельницу. Да и просто интересно. Когда бы я еще увидел, как супруга начальника главка торгует на базаре игрушками?

ОНА (смеется): Да, я тебе забыла рассказать! Иду здесь по узкой улочке, с танком, а мне навстречу — жена замминистра с игрушечным пианино.

ОН (с интересом): Ну?

ОНА: "Повстречались они, и не узнали друг друга..." (Снова берет трубку и набирает номер.) Ну, наконец-то! Алло! Мама? Мамочка... Слышно ужасно... Ты меня слышишь? (Пауза.) Долетела нормально, поселилась с Мариной, в одном номере. Купила тебе прекрасный свитер. Недорого, за два театральных бинокля. (Пауза. Улыбается.) Нет, мам, это не контрабанда, а бартер. (Пауза.) Ты знаешь, даже интересно. (Пауза.) Мама, позвони Рюриковичу и скажи, что у Марины все в порядке, просто она к нему дозвониться не может. (Пауза.) Олежка как? Занимается? Ну и прекрасно. Все, мам, целую.

ОН: Рюрикович... Типичная еврейская фамилия. Это кто?

ОНА: Бывший пляжный фотограф. Оказалось, что фотографию он видит еще до снимка, за что и пригласили в "Огонек". Так что Марина уже дважды москвичка. (Некоторое время молча пьет виски, поглядывая на Константина. За-

тем подходит к нему, обнимает и продолжает неуверенным тоном.) Котя, раз уж ты серьезно решил заняться бизнесом — перебирался бы в столицу.

ОН: Это совет?

ОНА: В столице возможностей всегда больше.

ОН: Верочка, если человек делится яблоками, значит, у него есть яблоки. Если человек делится советами, значит, яблок у него нет...

ОНА: Костя, если задаться целью...

ОН: Это раньше были цели, теперь — мишени... Вер, ну что я буду делать в Москве? Облака красить? Кому я там нужен? Нет, буду строить капитализм "в глухой провинции, у моря"...

ОНА: А если серьезно? Снимем квартиру... (Повисает пауза.)

ОН (удивленно): А как же твой муж? Он уже не боится взысканий по партийной линии? Или ты будешь жить на два дома?

ОНА: Мне кажется, что с мужем у меня те отношения, когда люди уже не могут быть вместе, но еще не могут врозь. А с тобой — наоборот: мы уже не можем друг без друга, но еще не решились быть вместе.

ОН: Вера, не помню, говорил ли я тебе об этом... но я женат.

ОНА: Да, на этой девочке... Ну, это смешно. И потом, это не я у нее мужа отнимаю. Мы с тобой встречались, когда ее еще на горизонте не было. Что ваши три года против наших пятнадцати? Да и детей у вас нет.

ОН: Пока нет. (Пауза.) Она ждет ребенка.

ОНА: От кого?

ОН: Детей, как правило, рожают от мужа. И вообще — что тебя удивляет? У тебя же есть ребенок, почему у нее не может быть?

ОНА (ошеломленно): Значит, вы ждете наследника. Поздравляю. (Наливает себе виски.) Ну что ж, дети — это прекрасно. Обидно только, что от тебя.

ОН: Вера, это смешно!

ОНА: Грустно, даже очень. (Выпивает, открывает бар, достает новую бутылку и наливает себе снова.) Знаешь, я до тебя думала, что никогда не буду встречаться с женатыми мужчинами. Удобно они устраиваются с запасной любовью...

ОН: Так же, как и замужние женщины.

ОНА: А я привыкла занимать свое собственное место. И потом, мне всегда было страшно, что такие отношения могут перейти во что-то серьезное. Поэтому я тогда в Риге и отказалась выйти за тебя. (Пауза.) Помнишь, мы с тобой кино смотрели, "Интервенцию", с Высоцким? "Сначала следователь предложит папиросу... Ее можно взять. Потом предложит жизнь, а вот от нее придется отказаться..."

ОН: Вер, ты сама себе противоречишь.

Вера выпивает одна и наливает себе.

Садится на кровать и продолжает говорить, сидя спиной к Константину, лицом к залу.

ОНА: Я ведь тогда на самом деле испугалась, до озноба. И не за мужа, конечно. За нас испугалась. Мы были так счастливы в эти редкие встречи... Зачем было что-то менять?.. Мне казалось, что если между нами исчезнет расстояние — исчезнет и любовь. Вот и сказала тебе "нет". А ты — мужчина сильный, сразу себе молодую жену нашел. И со мной отношения разрывать не стал. Действительно, зачем? А я смирилась. Даже не понимаю, как это случилось, что ты стал занимать такое место в моей жизни. Ты мне нужен... как камертон. Мне кажется, что по тебе я проверяю свою жизнь, свое звучание... (Выпивает.) Одно время я думала, что нас держит вместе постель. Ты замечательный любовник. Хотя есть и получше...

ОН: У тебя были романы?

ОНА: Скорее, очерки... Какое это имеет значение? Главное, что я не могу без тебя. Рядом, рядом... Ты все время рядом, даже когда мне этого не хочется. После нашего объяснения в Риге я ждала какого-то продолжения... А ты бросил пробный шар, не получилось — и ладно, не очень-то и хотелось... (Выпивает.) Все у тебя хорошо. Колонны ровные, трещин нет... Может, потому, что меня замуровал в фундамент?.. Я до сих пор так и не знаю, что я для тебя значу... Иногда мне кажется, что ты встречаешься со мной по привычке...

ОН: Вера, ну как ты можешь, я же тебя люблю...

ОНА: Любимов, ты никого не любишь... Просто тебе надо, чтобы любили тебя. И чем больше — тем лучше. Жена, любовница, дочка... Все любят! А теперь еще ребенок родится — и тоже будет тебя любить. (Молчит. Продолжает уже срывающимся от слез голосом.) Мне казалось, что мы все-таки будем вместе. Дети уже выросли, объяснять ничего не надо. А ты?! Меня тянет к тебе, как чайку к озеру... к лиману, как ты его называешь. А ты эту чайку гонишь. Лучше бы пристрелил... (Вытирает слезы.) Никогда не думала, что буду при тебе плакать. Если родится девочка, назови ее Верой. На память обо мне...

Вера кладет голову на подушку и плачет. Костя кладет на кровать ее ноги, укрывает покрывалом. Молча включает стоящий на столе приемник. Звучит музыка — "Наутилус Помпилиус":

"Я хочу быть с тобой, я хочу быть с тобой,
Я так хочу быть с тобой, и я буду с тобой...
Комната с белым потолком, с правом на надежду.
Комната с видом на огни, с верою в любовь".

АНТРАКТ

АКТ VI

1994 год.

Гостиничный номер, на одном из стульев лежит халат, возле стула — нераспакованная дорожная сумка. По номеру нервно ходит Вера с сигаретой в руке (зритель впервые видит, как она курит). Из-за окна вдруг доносится музыкальная фраза "Ты в сердце моем, ты снова со мной, Одесса, мой город родной" и бой часов. Входит Константин с традиционным букетом и большим пакетом в руках. Вера бросается к нему, обнимает, они целуются.

ОН (несколько искусственно): Прекрасно выглядишь. Правду говорят: срок пять — баба ягодка опять.

ОНА: Это любители сухофруктов придумали. (Оба смеются.) Ну, ты меня сегодня удивил! Прилетела, стою в аэропорту, думаю, где же ты? Я в первый раз в Одессе — а тебя нет! Расстроилась. Вдруг появляется молодой человек. "Вы — Вера Васильевна? Я вас сразу узнал". — "Каким образом?" — "Константин Александрович сказал, что самая красивая женщина на этом рейсе — вы". Настроение улучшилось.

ОН: Да, когда ты вчера позвонила, что прилетишь, у меня уже была назначена встреча. Вот и пришлось за тобой водителя отправить... (Улыбается, что-то припоминая.) ...вместе с машиной. Ты есть хочешь? Я только с Привоза. Купил все, что ты любишь.

ОНА: Честно? Умираю. Утром только кофе выпила — и на самолет.

Костя ставит на стол туго набитый пакет.

ОНА: Зачем так много?

ОН: Море любит сильных, а сильные любят поесть.

У Кости звонит мобильный.

ОН: Да! (Разводит руками, извиняясь перед Верой.) Да, Ниночка. Как долетели, хорошо? (Пауза.) Жарко? Что делать, на Канарах холодно не бывает. Смотрите, не сгорите в первый день. Как Верочка? Полет хорошо перенесла? (Пауза.) Ну, слава Богу. Хорошо, завтра созвонимся. Пока. (Убирает телефон в карман.) Извини, жена звонила. Я их на солнышко отправил. Туда, где чисто и светло. Ладно, что там у нас? (Распаковывает сумку.) Так. Персики, скумбрия, бычки вяленые, шоколад... Вот паразит, не мог горького найти? Купил "Сникерс".

ОНА: Маленькая ложь рождает большие подозрения.

ОН: Это ты о чем?

ОНА: О Привозе. Кто на базаре-то был?

ОН: Верочка, не представляешь, какая нагрузка. Водителя послал.

Но список писал собственноручно! (Продолжает вынимать из сумки покупки.) Ага, и "Стопка".

ОНА: Зачем стопка? Посуда здесь есть.

ОН: Это водка с Земли Обетованной. (Вынимает бутылку.) Для нежных барышень — тридцать градусов, поэтому пить ее можно стаканами. (Накрывает на стол.) Так что у тебя стряслось?

ОНА (смущенно): Почему сразу — стряслось? Может, просто соскучилась.

ОН: Ладно, за двадцать лет ни разу так не соскучилась, чтобы сюда прилететь.

ОНА: Сейчас расскажу. Ну что ты так, с порога... Подожди, я цветы поставлю. (Кладет цветы на стол, берет вазу и уходит в ванную. Тут же возвращается, в недоумении.) Воды нет. Ремонт, что ли?

ОН: "Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный,
Чего б вы думали? — Воды".

Фильм "Жажда" видела?

ОНА: Это с молодым Тихоновым? Там, где — "Мы с тобой два берега у одной реки"? Видела.

ОН: Должен тебя предупредить о местной достопримечательности: у нас после полуночи отключают воду. Можно снимать "Жажду-2": спецназ захватывает водонапорную станцию и ценой собственной жизни дает ночному городу воду. Моются рабочие вторых смен, счастливые влюбленные принимают душ не только до, но и после...

ОНА: Еще не вечер!

ОН: Значит, временные перебои. Подожди, могут и свет отключить. Его, правда, отключают по плану. Мы же теперь независимые. В том числе — и от источников энергоснабжения.

ОНА (растерянно): В Москве такого нету. Ладно, розы будут умирать без воды, а я сяду за стол с невымытыми руками.

ОН: Вон графин с водой, давай я тебе солью.

ОНА: А потом я умру от жажды? Нет, пусть будет НЗ.

ОН: Не бойся, что-нибудь придумаем. Ну что? Давай за встречу?

Наливает в рюмки водку, подает Вере, выпивают.
Вера разрывает обертку шоколадного батончика, откусывает.

ОНА: Зря ты ругал своего водителя. Шоколад вкусный.

ОН: У моего знакомого персональный водитель две недели хмурый

ходил. Шеф его спрашивает: "Я тебе зарплату двойную плачу? Жене твоей плачу, чтобы дома сидела и тебя ждала? Детей в институты устроил? Дачу подарил? Так чего ж ты все время недоволен?" Тот, обиженно надувшись, бормочет: "Хочу, чтобы вы меня возили".

Вера смеется. Костя наливает еще по рюмке.

ОНА: Как тут ваше пароходство?

ОН: Как в песне. "На палубу вышел — а палубы нет..." И пароходства нет. Суда расплылись по новым хозяевам. Крысы разбежались, чтобы и их заодно не продали.

В этот момент снова звонит мобильный.

ОН: Да! (Ласковым, мягким голосом.) Привет! Ты извини, я на переговорах. Нет, позже тоже буду занят. Наверное, придется уехать на пару дней. Ну все, извини, потом объясню. Целую. (Видно, что "целую" у него вырвалось.)

ОНА: Ты что, уезжаешь?

ОН: Это для конспирации, чтобы не отвлекали.

ОНА: Когда мужчине плохо, он ищет женщину. Когда ему хорошо, он ищет еще одну. Судя по количеству звонков, дела у тебя идут прекрасно.

ОН: Да нет, это просто один надоедливый продавец.

ОНА: Ты сменил ориентацию? Стал целоваться с мужчинами?

ОН: Вера, здесь же — как в фильмах про мафию, все мужчины целуются почище, чем Брежнев с Алиевым. Так модно.

ОНА (полусерьезно, полупуштя): Не верю ни одному твоему слову.

ОН: И союзам с предложениями — тоже не веришь?

ОНА: Ладно, предложениями убедил.

ОН: Так что случилось-то? А то ты вчера — "не по телефону, не по телефону"... Прямо как раньше, один другому звонит, а тот что-то жует. (Говорит с кавказским акцентом.) "Что жуешь, Гоги?" — "Э, Гиви, это не телефонный разговор!" (Смеется один. Вера молчит.)

Раздается новый звонок.

ОН: Алло! Да, как раз сейчас ведем с ними переговоры. (Жестами показывает Вере, что не может прервать разговор, тон которого разительно отличается от предыдущего.) Итальянцы настаивают, чтобы контракт подписывали в Милане. Сумма к этому обязывает. (Пауза.) Сто миллионов. В лирах — даже называть страшно. (Раздается стук в дверь. Костя, зажав телефон между плечом и ухом, идет к двери и возвращается с двумя полными ведрами воды. Ставит их у двери в ванную.) Знаю,

что на контроле у президента, что вся металлургия смотрит на меня с надеждой. Но все зависит от того, когда откроют кредитную линию. (Пауза.) Надеюсь, что, о чем на берегу договорились, в море не поменяют. Вообще, для достижения такой рентабельности не обязательно покупать завод. Достаточно купить заводоуправление. (Пауза.) Да, ты меня правильно понял. (Пауза.) Все на контроле. Перезвоню. (Отключает мобильник.) Вера, извини. Сейчас ты веришь, что это не женщина?

ОНА (не слыша вопроса): Костя, с Олегом неприятности.

ОН (садится рядом с ней): Рассказывай.

ОНА (нервно, сбивчиво, со спазмами в голосе): Влип в историю... Он был со своим другом, к ним пристала компания, началась драка. Олегу — пара синяков, а вот того парня избили, в больнице лежал. Конечно, заявили в милицию, — они знали тех, с кем подрались. Те пришли, упросили заявление забрать, пообещали оплатить лечение... Парень согласился, после больницы пошел за деньгами. В открытую не отказывали, но... В общем, закончилось тем, что он пошел к ним с угрозами. И не один, а с Олегом. Грозили серьезно...

ОН: С рукоприкладством?

ОНА: Клянутся, что без. А те на следующий день написали заявление — на Олега и его друга! И приложили диктофонную запись. Ребят начали таскать в милицию, предъявляют угрозы физической расправы, и самое серьезное — вымогательство...

ОН: А что твой муж? Не может дело уладить?

ОНА: Видимо, у них с Руцким много общих друзей оказалось... Так что, теперь он временно безработный. Конечно, пошел по друзьям, иных уж нет, а те, что остались... "Да, поможем..." Никто не отказывает, но в результате — ноль. Может, фамилия наша стала неблагозвучной, может, в самом деле, не могут...

ОН: И что?

ОНА: Пошли с конвертами, но и это непросто. То ли время такое, то ли мы не в те кабинеты попадаем... Сначала брать не хотели вообще.

ОН (тоном лечащего врача): О, как все запущено! Это сколько же вы давали, что ОНИ брать не хотели???

ОНА: Мне казалось — нормально, но вчера мы вышли на нужного человека, и нам назвали сумму... В нашей взятке не хватало нолика. Костя, я к тебе приехала... попросить денег. В долг, конечно. Они требуют срочно, а у нас... Есть машина, есть дачный участок, украшения... Но чтобы продать, нужно время. А деньги требуются к пятнице. Ты мне поможешь?

ОН: Странно это все. Странна страна моя...

ОНА: Костя, я знаю, что все это странно, глупо, я ничего не понимаю в этой ситуации... Но я и не хочу понимать! Я хочу заплатить, чтобы все это закончилось. Ты мне поможешь?

ОН: Успокойся, завтра деньги будут, сейчас только сделаю несколько звонков. Твой муж должен будет подъехать и забрать. Сколько?

ОНА: 100 тысяч.

ОН: Рублей?

ОНА: Если бы.

ОН (немного озадаченно): Странно, очень странно.

ОНА (испуганно): У тебя не получится?

ОН: Получится, но это будет завтра к вечеру. В одном месте в Москве у меня столько нет, а через границу я тебя с такой суммой не отпущу.

ОНА: Подожди, дай я домой позвоню, узнаю, как там. (Набирает номер на мобильном.) Алло! Это я. С деньгами все решилось. Очень удобно. Ребятам как раз должны деньги в Москве, и их отдадут прямо тебе. Я перезвоню, скажу, куда подъехать. (Пауза.) Что??? Нет, ну как же?.. Мы же обо всем договорились! (Пауза.) Как? Нет... Что? (Пауза.) Повтори, не слышу. (Пауза.) Когда? Завтра? Нет, подожди... (Пауза.) А откуда он это знает? Алло!!! Нет, я не... Нет, мне пока не звони, я тебя сама наберу.

ОН: Что случилось?

ОНА: У Олега на завтра повестка к следователю. Мужа только что предупредили, что есть постановление об изменении меры пресечения. Его прямо там и заберут. Это катастрофа.

ОН: Ну что ты такое говоришь?! Так сразу и арестуют? Из-за такой ерунды? И денег не возьмут?!

Вера вскакивает, хватая вещи, которые уже успела вынуть из дорожной сумки.

ОН: Ты куда?

ОНА: Полечу обратно. Сегодня. Как звонить в аэропорт? Я поменяю билет.

ОН: Подожди, сядь, не суетись. Я сделаю пару звонков, может, что-нибудь утрясу.

ОНА: Ты с ума сошел! Отсюда? А я буду есть скумбрию и ждать, пока его посадят?!

ОН: Сиди, ешь скумбрию. Я позвоню, только не из номера. Не знаю, как здесь с акустикой. (Рукой показывает на углы.) Все будет в порядке. (Уходит.)

ОНА (закуривает, садится к телефону): Марина, привет! Да, долетела, в Одессе. Ну, ты знаешь, для всех я в Ленинграде. Прости, в Санкт-Петер-

бурге. (Пауза.) Костя нормально, но с Олегом — катастрофа. Муж сказал, что его завтра могут забрать... (Молчит, плачет. Потом продолжает, всхлипывая.) Не могу я спокойно! Для меня одно слово "тюрьма" — и сразу отец перед глазами. Я тебе рассказывала, он преподавал в институте, и как-то попросил коллегу по кафедре помягче отнестись на вступительных к нашему соседю. Мальчик поступил, его родители не знали, чем отблагодарить. Подарили папе вазу, он ее той тетке отнес... А на следующий год она попала на большой взятке. Трясли серьезно. Так серьезно, что она рассказала про все свои проступки, начиная с трехлетнего возраста. В том числе и про папину просьбу, и про вазу... Ваза стоила больше тридцати рублей. Папу лишили звания, исключили из партии и посадили. Мне тогда было двенадцать. (Смотрит на еду на столе.) Знаешь, никогда не забуду, как мы с мамой пришли к нему на свидание. (Костя заходит в номер, но Вера, сидя спиной к двери, его не видит.) Мама принесла с собой сумку чего-то вкусного, и папа все пытался меня накормить, угощал печеньем... Я никогда не забуду его глаза на свидании... И вкус раскрошенного печенья... Все что угодно — только не это!!! Если Олег попадет туда — неважно, на сколько — на день, на час, на десять минут... Я сойду с ума. (Поворачивается, видит Константина.) Мариночка, извини, я тебе перезвоню. (Кладет трубку.) Ну что?

ОН: Как говорят в Одессе, быстро поднятое не считается упавшим.

ОНА: То есть?

ОН: Арестовывать уже не будут. Теперь нужно дело закрыть. Незнание закона не освобождает от ответственности. А знание — освобождает... Адвокат у вас есть?

ОНА: Есть один знакомый...

ОН: Адвокаты делятся на две категории: одни хорошо знают закон, вторые — судью. Ваш — какой?

ОНА: Скорее, первый.

ОН: Не годится. (Снова садится к телефону, набирает номер. Спрашивает Веру.)

Как фамилия следователя?

ОНА: Паршивцев.

ОН: Seriously!

ОНА: Seriously — такая фамилия.

ОН (уже по телефону): Привет, старик! У меня племянник в Москве попал в непонятку. (Пауза.) Тригорин. Олег Тригорин. (Пауза.) Да, да, того Тригорина... (Пауза.) Чего не признавался в родственных связях? Не время, товарищ. (Пауза.) Следователь Паршивцев. Да нет, серьезно, такая фамилия. Бауманская прокуратура. (Пауза.) Да, хотят пацану лапти сплести.

(Пауза.) Не берут... (Молчит.) Цена вопроса? (Пауза.) Годится, но чтоб совсем отстали. Береженого Бог бережет, а не береженого — конвой стережет. (Пауза.) Нет, Коля, стараться надо дома с женой, а мне нужно закрытое дело. Раз пар со рта выпустил, значит, уплачу. (Пауза.) Словами гуляешь, это ты — генерал-лейтенант, а я — просто лейтенант... Запаса. Все. По твоему вопросу через неделю все решится. Жду звонка. Целую. (Закуривает.)

ОНА: Костя, какие лапти?

ОН: Вера, я тут услышал про отца... А как же твоя анкета? "Я и мои ближайшие родственники под судом не состояли"?

ОНА: Время прошло, с папы судимость сняли, и я писала: "никто из родственников судимости не имеет". Наверное, те, кому положено, знали эту историю, но никогда о ней не напоминали. Так что такое лапти?

ОН: Решетка.

ОНА: А пар со рта?

ОН: В девятом классе у меня мама нашла нож. Настоящий. И сразу, с криком, отцу его отнесла. Зовут меня, думаю — прибьют. Отец сидит, рассматривает нож, и спокойно так спрашивает: "А ты им ударишь?" Я говорю: "Не знаю. Если кто-то нападет — может быть". Отец протягивает его мне и говорит: "Если ударишь — носи, а если не уверен — то не надо, потому что ударят тебя". Я это запомнил на всю жизнь. Поэтому перед тем, как что-то говорить... (Прерывая его фразу, раздается звонок мобильного.)

ОН: Да! Вопросов нет. (Пауза.) Чтобы нас любили за красивые глаза, их нужно, как минимум, иметь. Да. (Пауза.) Витя сегодня же привезет деньги. (Молчит, слушает.) Тригорин? Семьдесят третьего года рождения? (Пауза.) Ты не путай теплое с мягким... Много будешь знать, не дадут состариться. (Пауза.) Смотрящий сказал? (Пауза.) Понял. Только не строй из себя горба в авторитете. (Пауза.) Все. Спасибо. Когда на юг? (Пауза.) До встречи в эфире. (Кладет трубку. Вере.) Извини, мне нужно еще раз выйти. Съешь хоть что-нибудь. (Выходит из номера.)

Вера включает телевизор, звучит песня Шевчука:

...Боже, сколько дней я иду,
но не сделал и шаг.
Боже! Сколько дней я ищу
то, что вечно со мной.
Сколько лет я жую
вместо хлеба сырую любовь!
Сколько жизней плюет
мне в висок вороненым стволем
Долгожданная даль!
Желтые фары у соседних ворот,
Люди, наручники, порванный рот,

Сколько раз, покотившись, моя голова
с переполненной плахи летела туда,
где Родина!
Еду я на Родину!
Пусть кричат — уродина!
А она нам нравится
Хоть и не красавица,
К сволочи доверчива...

Пока звучит песня, Вера наливает в стакан водку, выпивает, ест персик. Закуривает.
В этот момент звонит ее мобильный. Вера вскакивает, выключает телевизор.

ОНА: Да, да, это я! (Пауза.) Позвонили, сказали, что оставят на подписке? Я уже знаю. (Пауза.) Откуда? От Борис Николаевича. (Пауза.) Нет, Ельцина. (Пауза.) Меня твои догадки сейчас не интересуют. Как, впрочем, и ревность. (Пауза.) Это все не по телефону. Приеду — расскажу. (Пауза.) Ничего никому не обещаю. Ребята вышли наверх, вроде, все должно решиться. (Пауза.) Ничего, рассчитаемся... Начнешь же ты когда-нибудь руководить. Все. (Пауза.) Еще раз говорю: сюда звонить неудобно! Я сама тебе перезвоню.

Кладет трубку. Заходит Костя.

ОН: Есть две новости.

ОНА (голосом, срывающимся от волнения, пытается пошутить): Начни с хорошей.

ОН: Так они обе плохие. Дело закроют. Но, во-первых, он должен тикать из Москвы. Все равно куда, не меньше, чем на пару лет. Во-вторых, ты ошибаешься. Он не просто влип, как благородный мальчик, за компанию с другом, а уже давно на учете как член устойчивой преступной группировки — это по-протоальному.

ОНА: Нет, это неправда.

ОН: Когда мне об этом сказал опер, я не поверил, но потом подтвердили авторитеты. Твой сын больше года назад связался с группой, за которой — несколько серьезных афер. Трупов на них нет, но кинули многих, в том числе и блатных. За ними давно смотрели, но взять было не на чем. А тут эта детская история с "вымогательством": пальцы веером расставил, по-фене ботал... В нее и вцепились. Главное — закрыть, а там разговорится. Поэтому милицкий следователь от ваших денег и отказывался — знал, что все на контроле у ФСБ. (Смотрит на Веру, которая, побледнев, опустилась на стул.) Посиди, я у дежурной валерьянку возьму.

Выходит из номера. Вера наливает себе в стакан водку, но, так и не выпив, ставит стакан на стол. В номер возвращается Костя с пузырьком валерьянки. Ищет чистый стакан.

ОН: У тебя есть варианты, куда усрать Олега?

ОНА: Сложно сказать. Брат двоюродный в Питере.

ОН: Что делает?

ОНА: Главный инженер на...

ОН: Не пойдет. (Находит на тумбочке стакан и графин с водой, наливает воду в стакан, открывает флакон с валерьянкой, но, забыв про нее, поворачивается к Вере.) Вера, давай я Олега заберу к себе.

ОНА: Куда — к себе?

ОН: На фирму. Объясню ему, как классики говорили, что на свете существует тысяча относительно честных способов отъема денег у населения. А с уголовным кодексом нужно дружить.

ОНА: Костя, ты серьезно?

ОН: Звони Олегу, говори, чтобы собирал вещи. И из дома — ни ногой!!! Ни к каким друзьям! Я сегодня созвонюсь со своим человеком в Москве, он возьмет билеты на самолет, завтра утром заедет за Олегом, и — сюда.

Капает валерьянку в стакан, стоящий на столе перед Верой. Она залпом выпивает, хватается за горло, потом машет руками.

ОН: Что? Это же просто валерьянка.

Вера выбегает в ванную, оттуда возвращается в комнату, хватая графин и пьет прямо из горлышка.

ОНА (отдышавшись): Ты же мне валерьянку накапал в эту, "Стопку"! Такая гадость получилась! (Начинает хохотать, но смех быстро переходит в слезы. Костя садится рядом, обнимает ее.)

ОН: Вера, ты согласна?

ОНА: Конечно, согласна. (Уставшим голосом.) На твоих Канарах жило когда-то племя... У них был обычай: если находили виновного в преступлении, наказывали не его, а самого близкого ему человека...

ОН: Вер, кто не падал, тот не поднимался. Мальчишка еще...

Успокаивая Веру, Костя обнимает ее, прижимает к себе, целует. Постепенно поцелуй становится другим... Вдруг Вера отталкивает Костю и встает.

ОН (нежно): Ну что ты?

ОНА: Костя, не надо. Ты извини меня... Тебе, наверное, пора? Тебя же искали, опять будут звонить...

ОН: Нет, я останусь.

ОНА: Не надо.

Вдруг гаснет свет, и в темноте слышно журчание воды.

ОНА (испуганно): Что это?

ОН: Я же предупреждал: свет выключили. А воду дали.

Костя, чиркая зажигалкой, уходит в ванную, закрывает кран, потом возвращается, достает из тумбочки свечку, зажигает ее и устанавливает в пепельнице.

ОН: Ужинать будем при свечах.

Подходит к Вере, снова пытается ее обнять, но она отстраняется и подталкивает его к двери. Смеясь, пытается все обратить в шутку.

ОНА: Нет, Костя, ты иди, иди... Я что-то устала, у меня критические дни... В прямом и переносном смысле.

ОН: Может, все-таки, поужинаем?

ОНА: Японцы в таких ситуациях предлагают вместе позавтракать. Нет, правда, приходи завтра часов в десять. Я отдохну, приду в себя... Ладно?

ОН (не проявляя излишней настойчивости): Хорошо. А потом я съезжу в аэропорт, встречу Олега и привезу его сюда.

ОНА: Договорились. Иди.

Костя целует ее и уходит. Вера провожает его до двери со свечой. Потом берет телефон и набирает номер.

ОНА: Алло! Олег? (Говорит холодно и жестко.) Это я. Тебе надо будет уехать. (Пауза.) В Одессу. Нет, к следователю идти уже не надо. Я утром буду дома и все тебе объясню. (Пауза.) Собирай вещи. За тобой завтра заедут. Из дома не выходи, на телефонные звонки не отвечай. И никому не звони! (Пауза.) Почему таким тоном? Объясню при встрече. (Пауза.) Олег, все завтра!!! Я вылетаю в семь пятнадцать. (Срывающимся голосом.) Нет, не встречай меня. Еще раз заклинаю тебя: из дома не выходи, трубку не снимай. Все!

Снова набирает номер.

Алло! Добрый вечер. Девушка, мне нужен билет на завтра, на Москву, на семичасовой. (Пауза.) Нет? На лист ожидания? (Ровным и настойчивым тоном.) Девушка, мне очень нужно улететь этим рейсом. Я вас прошу. Я благодарю. (Пауза.) Тригорина Вера Васильевна. (Ждет.) В какую кассу? К Свете? Спасибо.

Кладет трубку, берет свечу и ходит по номеру, собирая вещи. Вдруг зажигается свет. Вера задувает свечу, включает радио и продолжает собираться под песню группы "Люба":

Атас! Эй, веселей, рабочий класс!
Гуляйте, мальчики, любите девочек!
Атас! Пускай запомнят нынче нас.
Малина-ягода, атас!

АКТ VII

1998 год.

Номер в венецианской гостинице, много зеркал и бархата на стенах. В вазе, как обычно, 25 роз. Ваза стоит возле зеркала, и кажется, что цветов в два раза больше. В номер входят смеющиеся Вера и Костя в вечерних костюмах. В руках у них карнавальные маски.

ОНА: Какой забавный этот гондольер. Я, правда, кроме слов "синьора" и "аривидерчи" ничего не поняла. Что он там говорил?

ОН: Сказал, что никогда не видел такой красивой женщины. Сегодня же скажет обо всем жене и уйдет к тебе с тремя детьми. Заведете еще одну гондолу и будете жить долго и счастливо.

ОНА: Я бы с радостью, но он же — мужская версия Дюймовочки.

ОН: Знаешь, почему среди итальянцев так много людей маленького роста? Они боятся, что если вырастут, их заставят работать.

Вера смеется. За окном раздается грохот фейерверка.

ОНА: Ой, смотри, салют! Какой сегодня праздник?

ОН: Финита ля феста, габата ля санте.

ОНА: В каком смысле?

ОН: Праздник закончился, и черт с этим святым. У них тут столько праздников! Почти как у нас...

Стук в дверь. Костя уходит и возвращается с сервировочным столиком, на котором стоит ведерко с бутылкой шампанского, бокалы и блюдо с устрицами, обложенными льдом.

ОН (цитирует, переирая Пушкина):

"Что устрицы? Пришли! О радость!

Давай, смеющаяся младость,

Глотать из раковин морских

Затворниц жирных и живых, (Пауза.)

Слегка обрызнутых лимоном".

Лягушек ты не любишь, но моллюски могут на что-то надеяться?

ОНА: Ты знаешь, сколько раз мне их предлагали, начиная с Америки, — я всегда отказывалась. Они же живые! (Брезгливо морщится.)

ОН (смеется): Как дед Щукарь бабам объяснял? "Дуры! Лягушка — па-

кость, а в вустрице — благородные кровя!" (Садятся за стол.) Не бойся! Пить не будут!

ОНА (с опаской рассматривая раковину): А жемчужины в них не попадают?

ОН: Это в смысле проглотить? Жемчужницы — другой вид, их не едят.

ОНА: Жаль...

ОН: Тебе нравится жемчуг?

ОНА: Да. Настоящие жемчужины — теплые и нежные.

ОН: А искусственные?

ОНА: У женщины моего возраста зубы уже могут быть искусственными, а драгоценности — только настоящими.

Костя смотрит на часы. Вера не замечает этого, потому что рассматривает раковину, отливающую перламутром.

ОНА: Какая красивая... Неужели их потом выбрасывают?

ОН (серьезно): Нет, конечно. Сдают, как у нас — бутылки. Тут на каждом углу — пункты приема устричных раковин. Ты что, не заметила?

Вера смотрит на него озадаченно, потом смеется. Костя наливает шампанское, они чокаются, выпивают. Костя начинает инструктаж.

ОН: В левую руку берешь раковину, поливаешь ее лимоном. В правую руку берешь бокал и отпиваешь шампанское. Глотаешь содержимое раковины и быстро запиваешь оставшимся шампанским.

Продельвает это все. Вера нерешительно повторяет действия Кости. Проглотив устрицу, хватая ртом воздух, вспоминает о шампанском, выпивает бокал до дна и громко произносит:

ОНА: Вкусно! Сколько нас помню, мы всегда получали удовольствие от кухни.

ОН: Но не больше, чем от спальни.

Костя поглядывает на часы. Вера перехватывает его взгляд.

ОНА (шутливо): Нет, спать еще рано. (Дальше — серьезно.) У тебя дела? Надо звонить?

ОН: Нет, не обращай внимания.

ОНА: Я поняла, что ты что-то заказываешь в номер, а что именно — не разобрала.

ОН: Немного учу итальянский, но есть проблемы. Бизнес — это тот же ребенок, которого ни на минуту нельзя оставить. А древние греки предупреждали — или дети, или книги.

ОНА: Поэтому ты теперь так мало читаешь?

ОН: В основном считаю... Спрягаю глаголы, а мобильник разрывает-ся, и хоть бы раз что-то хорошее сказали.

ОНА: А отключать не пробовал?

ОН: Пробовал, тогда занятия дорого обходятся. Подчиненные принимают решения, а я потом расплачиваюсь.

ОНА: А сейчас почему отключил? Не боишься?..

ОН: Это — Венеция, здесь хочется быть счастливым, а не думать о проблемах.

ОНА: Ты действительно здесь совсем другой.

ОН: "Бык на арене — неврастеник, бык на лугу — здоровый парень".

ОНА: Говорят, что если человек счастлив больше дня — значит, от него что-то скрывают.

ОН: А это мы проверим. Включим телефоны (смотрит на часы) через пятнадцать минут.

Снова стучат. Костя идет к двери и возвращается с подносом, на котором лежит изящный футляр. Ставит поднос перед Верой.

ОН: Интересно, это от кого? Неужели от гондольера? (Смеется.) Закрой глаза.

Вера послушно закрывает глаза. Костя достает из футляра жемчужное ожерелье и надевает его Вере на шею, а затем, обнимая ее за плечи, подводит к зеркалу.

ОН: Нравится?

ОНА: Костя!.. Это то самое, которое я заметила в витрине? Когда же ты успел купить?

ОН: За те два часа, пока ты мерила шляпки и пеньюары.

ОНА: Спасибо!

Обнимает и нежно целует Костю. Они возвращаются к столу, Костя наливает шампанское, но Вера, взяв бокал, не садится за стол, а возвращается к зеркалу.

ОН (с иронией): Столик к зеркалу передвинуть?

ОНА: Не надо, я сейчас...

Любуется ожерельем, потом примеряет маску.

ОНА (декламирует): "Она его за муки полюбила, а он ее — за страданье к ним". Это, кстати, все здесь происходило.

ОН: А что ты еще помнишь из "Отелло"?

ОНА: "О ужас брачной жизни! Как мы можем считать своими эти существа, когда желанья их не в нашей воле?"

ОН: Да, я всегда говорил: пьет муж — плохо, не пьет — тоже плохо.

ОНА: Это ты о чем?

ОН: О том же, что и Шекспир — о несовершенстве института брака.

ОНА (снимает свою маску и примеряет Костину): ...Знаешь, я иногда жалею, что так и не стала артисткой. Когда-то казалось, что эта мечта ЕЩЕ может осуществиться, и муж был не против, но потом появился Олег, карьера, командировки... И стало ясно, что этого УЖЕ никогда не будет...

ОН: Кстати, никогда тебя не спрашивал — как ты познакомилась со своим мужем?

ОНА: А я тебе рассказывала: на пограничной станции. Он был тем руководителем группы, который на свой страх и риск провез меня "нелегально" через границу. Еще пошутил: "Ну, раз вы — Заречная, то я как Тригорин не имею права оставить вас на перроне". (Возвращаясь к столу.) Какие планы на завтра?

ОН: Если хотите рассмешить Бога, поделитесь планами на следующий день... Дел — масса. (Задумчиво.) Надо мрамор посмотреть, маме на памятник...

ОНА (оторопев): Костя?.. Когда?.. Я же ничего не знала!

ОН: Что ты не знала?.. Да нет, слава Богу, мама жива-здоровая. Она меня давно просит мрамор купить и памятник сделать — "От скорбящих детей и внуков". Я испугался, решил, что она уже... того... Пошел к врачу знакомому. А тот смеется: ты от моды отстал. Сейчас многие так делают. "МММ" всяких боятся, вот и нашли, во что средства вкладывать.

ОНА: Да, любит их поколение проснуться среди запасов... Ты бы видел, как они крутят бутылки с помидорами и огурцами каждое лето!.. А весной не знают, кому их раздать. Но памятник — это, по-моему, слишком!..

ОН: Меньше будет переживать, как мы ее на тот свет проводим — дольше на этом задержится. Еще надо по галереям пройти. Посмотрю живопись местных художников...

ОНА: Тоже маме?

ОН: Нет, себе. В офис. Может, "Данаю" Тициана возьму — ту, что с золотым дождем. Копия, конечно, на оригинал мы еще не наработали.

ОНА (с сарказмом): А может, пока "Бурлаки на Волге"? Знаешь любимый анекдот моей мамы? 70-й год, диктор на радио говорит: "Бригадир колхоза "Заря" Иван Бойко просит, чтобы в эфире прозвучала песня "Ва-

ленки" в исполнении Лидии Руслановой". Год 75-й, Иван Бойко — уже председатель колхоза — просит поставить для него "Валенки" в исполнении Лидии Руслановой. 80-й: первый секретарь обкома партии Иван Иванович Бойко просит, чтобы в эфире прозвучала си-бемольная fuga Баха. Не выживайтесь, товарищ Бойко, для вас прозвучит песня "Валенки"...

Костя снова наполняет бокалы шампанским.

ОНА: За что пьем?

ОН: В Париже была куртизанка, брала за визит миллион франков. Однажды в ворота ее особняка постучал молодой человек в потертых джинсах, с рваным портфелем. Служанка долго не впускала, но он открыл портфель, в котором был аккуратно уложен миллион. Утром хозяйка обратилась к нему: "Жан, я без ума от тебя, но ты не похож ни на нефтяного магната, ни на сына мультимиллионера". — "Ты права, Жаклин, — отвечал он, — я бедный студент, член ассоциации студентов, в которой — миллион человек. Мы скинулись по одному франку и разыграли визит к тебе в лотерею. И я выиграл". "Жан, — сказала Жаклин, — я не хочу, чтобы наши отношения носили корыстный характер". И вернула ему один его франк. Так выпьем же за бескорыстных женщин!

ОНА: Ты на что, буржуйская морда, намекаешь? Чтобы я тебе вернула одну жемчужину? Не дожدهшься!

ОН: Ни на что не намекаю, просто мщу за "Валенки".

ОНА (шутливо): Да-а... Такого я от тебя не ожидала. Но... (с особым ударением) за успех женщина может ПРОСТИТЬ многое. А ты — человек удачи. В тебе это было всегда. Только не все видели.

ОН: А что так торжественно, как на гражданской панихиде? Или мы прощаемся? Я против. Ты заметила? — мы с тобой за три дня ни разу не поссорились! Это наш личный рекорд. (Протягивает бокал и напевает.) "Дети разных народов, мы мечтою о мире живем"... Давай — за мир во всем мире и в каждой квартире!

Чокаются, выпивают.

ОНА: Кстати, ты так и не показал последние фотографии моей тетки.

Костя достает из сумки пакет с фотографиями, протягивает Вере. Пока она смотрит снимки, говорит.

ОН: Когда Верочке было года четыре, остался я с ней в воскресенье один на один, что бывало крайне редко. Стал сказку читать. Дочитали од-

ну книжку, беру другую, а Верочка мне с таким сомнением: "А ты и другую читать умеешь?.."

ОНА (рассматривает снимки, улыбается): Хорошенькая. Ты будешь смеяться, но мне кажется, что она похожа на меня.

ОН: И не сомневайся. Хочу их с Ниной сейчас в Швейцарию отправить. Отдохнут, а потом, может, Верочку там в частную школу отдадим.

ОНА: А Нина? С ней останется?

ОН: Наверное.

ОНА: А ты? Останешься в Одессе один?

ОН: Буду к ним летать. Мне нужно дописать роман "Как продавалась сталь". А потом можно и в Альпы переселиться, "где горный воздух и сплошные французы".

ОНА: И чем же закончится твой роман?

ОН: Мы сейчас практически все движимое и недвижимое вложили в одну операцию с ценными бумагами. Если получится — буду писать второй том: "Как продавалась нефть". А Верочка будет расти в семье бедного нефтеторговца.

Пока он говорит, Вера подходит к зеркалу и примеряет шляпку.

ОНА: Как тебе?

ОН: К пеньюару очень пойдет.

ОНА: Да ну тебя...

Костя разливает шампанское, подает бокал Вере.

ОНА: Несмотря на то, что ты такой противный, хочу выпить за тебя. Поблагодарить за сына. Ты его спас. Спасибо тебе.

ОН: Дорогая, это тебе спасибо за сына. Он быстро все схватывает. Из формулы "Товар — деньги — товар — деньги-штрих" иногда убирает товар, что дает поразительный эффект. Так что, неизвестно, кто кому большее одолжение сделал — я тебе, или мне... следовательно Паршивцев. Давай за детей, внуков и родителей.

ОНА: Не хочу списком. Давай за детей отдельно. (Выпивают.) А как у твоей Иры дела?

ОН: Внуку уже два года. Но что-то у них там не ладится. По-моему, они хотят вернуться.

ОНА: Как — вернуться?

ОН: Совсем. "Гуд бай, Америка!"

ОНА: Нет, такого не бывает! Из Штатов — к нам?! Зачем же тогда ехали?

ОН: "Все побежали — и я побежал"... В то время Штаты казались раем! Не то, что она, — взрослые люди не понимали, кому нужно ехать, а кому там делать нечего.

ОНА: Жаль. А мне в свое время в Америке понравилось.

ОН: Не надо путать туризм с эмиграцией.

ОНА: Я же не с тургруппой была, а работала.

ОН: Женой у мужа.

ОНА (после паузы): Сколько дней мы уже не ссорились?

ОН: А тебя скандал только освежает. (Примирительно.) Все равно. Ира посмотрела. Не понравилось — так не понравилось. "Хау а ю тудей?", "Веа а ю фром?", "Смайл шире"... Устрою к себе на фирму. Мне как раз нужен программист.

ОНА (наливает себе шампанское и поднимает бокал): За твою компанию и за наших детей в ней.

Налюбовавшись, Вера пытается снять ожерелье. Костя подходит и пытается ей помочь. От неловкого движения нитка разрывается, и жемчужины падают на пол. Вера вскрикивает.

ОН: Ничего страшного! Время разбрасывать и время собирать жемчуг...

Они продолжают прерванный разговор, собирая жемчуг, и принимают при этом самые неожиданные позы...

ОНА (стоя, Костя в этот момент на коленях, достает жемчужины из-под стола): Костя, я что хотела предложить... У мужа сейчас дела пошли в гору. Он может для тебя... ну, в смысле, для фирмы, где работает Олег, устроить несколько выгодных контрактов. Давай я его попрошу...

ОН (поднимается. После некоторой паузы, задумчиво): Помню, как бабушка вареники в миске перетряхивала. Так и с номенклатурой: тряхнули — и он на дне, еще разок — и он наверху. Главное — из миски не вылететь... Хотя твой в варениках с комсомола, такие не вылетают.

ОНА (из-под стола): В 93-м чуть не вылетел. Но сейчас-то снова наверху...

ОН: И в теннис играет?

ОНА (улыбается): Да, ну и что?

ОН (немного раздраженно): А если следующий президент будет с шестом прыгать, твой тоже научится? (Снова опускается на колени, чтобы достать закатившуюся в угол жемчужину.) Жаль, очень жаль, что Дракон умер, а дело его живет.

ОНА (будто не расслышав): Кто умер?

ОН: А может, и не умер, просто показалось...

ОНА (начинает нервничать): В данном случае я не уверена, что надо ревность смешивать с рентабельностью. Нет — так нет. Мне просто хотелось как-то отблагодарить тебя за Олега, чем-то помочь...

ОН (тоном боярина): Не пристало Хозяевам принимать подарки от Слуг... даже народа. Не сподоблюсь я этой благодати... (Переходит на нормальный тон.) Мне не нужна помощь. Мне надо, чтобы мне не мешали! (Встает, помогает подняться Вере. Смотрит на часы.) Ну что? 21.00, пора включаться.

Вера чмокает его в щеку.

ОНА: Не сердись. Пойду мерить пеньюар.

Включают мобильники. В этот момент почти одновременно звучат две разных мелодии (Моцарт и Бетховен) — звонки телефонов. Вера и Костя берут мобильные и почти одновременно произносят: "Не может быть!".

ОН: Он же там руку, голову или еще что-то на рельсы клал. Говорил — девальвации не будет. (Пауза.) Как они это называют? Дефолт? Ну, понятно, после этого можно и в отставку. Да, нашли кому верить... (Отключает телефон.)

ОНА: Костя, что такое дефолт?

ОН: Это когда прощают тем, кому должны.

ОНА: Костя, может, не надо было отключаться?

ОН: А что бы это изменило? "Киндер-сюрприз" еще букву "Т" в слове "дефолт" не произнес, а к акциям уже никто не прикасался. (Достает из бара коньяк, наливает полный фужер, выпивает залпом.) Поймал новый русский золотую рыбку. Она ему — "Загадай желание". Он: "Хочу, чтобы у меня все было!". Рыбка хвостиком махнула и говорит: "У тебя все было..." Все придется начинать заново. Олигарха из меня не вышло. Может, кому-то понадобится специалист по сбору выбитых зубов поломанными пальцами? (Наливает еще один фужер коньяка. Вера становится рядом, он наливает и ей.) Тициан отменяется, золотой дождь прошел стороной... Купим репродукцию Репина — "Не ждали". Самое время идти за мрамором. Может, он мне раньше, чем маме, пригодится.

ОНА: Костя, не нервничай, обойдется. Ну, не в первый же раз!..

ОН: Боюсь, что ТАК — сразу два: в первый и в последний.

Выпивают. Закусывают лимоном. Снова раздается мелодия мобильного.

ОН (расстроенным голосом): Да, да, Олег, я не в Милане. В Венеции. (Пауза.) Не успел сообщить. Да, уже знаю. Только что узнал. (Пауза.) Почему не было связи? Мобильный упал в канал. Пока ныряли, прошли сутки...

А что бы это изменило? (Пауза.) Что? Продал?! (Пауза.) Сколько-сколько? Когда? (Пауза. Тон меняется.) А почему ты меня не спросил? Надо было, конечно, все. Но все равно, ты — умница. Титан. Каупервуд, мать твою... (Осекается, смотрит на Веру.) ...на пьедестал поставить. (Пауза.) Завтра начнем скупать. (Настроение и тон меняются с минорного на мажорный.) Ранней птичке — червячок, второй мышке — сыр. Я думаю, что через год эти бумаги поднимутся. (Пауза.) Еще неизвестно, на чей нос муха сядет. Ты против? Обсудим с утра на свежую голову. Все равно сегодня уже делать ничего не будем. (Пауза.) Ничего, продумем, всплывем. Ва bene, чао. (Кладет мобильный на стол. Вера с нетерпением ждет расшифровки разговора.) Торпеда мимо прошла. Нет, конечно, потеряли много, но по сравнению с тем, что могло быть, не продай Олег вчера контрольный пакет... Сам! На свой страх и риск. Чутье у него!.. Были у вас в роду, все-таки, бурые медведи! Недаром он "Боже, царя храни" в седьмом классе распевал.

Наливает шампанское в бокалы, протягивает один Вере.

ОНА: А как шампанское после коньяка?

ОН: Так же, как и до. Включи телевизор, у них тут спутниковое, значит, должны быть российские каналы.

Вера включает телевизор, щелкает пультом.

ОНА: За детей!

ОН: За таких можно и два раза. Знаешь, я подумал, что Репин — это здорово, но и Тициана купим. Пусть рядом висят.

Обнимает Веру. Они целуются. Свет постепенно гаснет. Слышна популярная песенка "Мальчик хочет в Тамбов..."

АКТ VIII

2001 год.

Половина сцены затемнена. На второй половине — гостиничный номер. Вера сидит в легком халатике, на голове у нее — чалма из махрового полотенца, на лице — темная косметическая маска. Она листает журнал, поглядывая на настольные часы. Звонит телефон.

ОНА: Алло! Олежек? Привет. (Пауза.) Да, у меня все отлично. Море, солнце, грязи... Чисто? Ну, не так, как в Бельгии, где лошади по городу в памперсах бегают, но и не Стамбул. Температура 37 в тени. Правда, тени нет... (Пауза.) Нет, что ты, сервис великолепный. С одной стороны — экзо-

тика, с другой — везде русская речь. Я недавно на Украине была, там только один российский телеканал, и то в урезанном виде. А здесь — сразу три, и без купюр! Ну, ладно, увидимся — расскажу подробнее. (Молчит, смотрит в журнал.) Слушай, как будет распространенное психическое расстройство? Шесть букв. (Смеется.) Да, кроссворд разгадываю. Любовь?.. (Пауза.) А, действительно! Может, и любовь. По вертикали? Нет, по горизонтали. (Пауза.) У тебя-то как дела? (Молчит, слушает.) Где шеф? (Пауза.) Из Нью-Йорка? Сюда? (Пауза.) Ну, Израиль маленький, но не настолько, вряд ли мы встретимся. Тем более что через два дня улетаю домой. (Пауза.) Да, папе звонила. Готовится к юбилею. (Пауза.) Знаю. Ну, что делать, если в Москве машину, выехавшую на встречную полосу, могут ударить сзади... Кстати, папа мне сказал, что ты собираешься в командировку. (Молчит.) Один? Или снова с Ириной? (Молчит.) Олег, мне это не нравится. Во-первых, крутить роман с дочкой начальника — не самая хорошая затея. А во-вторых... (Пауза.) Нет, извини, и сейчас, и по телефону, я тебя не вижу месяцами! Так вот, во-вторых — она замужем. (Молчит. Продолжает на повышенных тонах.) Как это — ну и что? К чему это приведет? Тебе нужны такие отношения? (Пауза.) Какие — такие? Прятаться, придумывать... Счастье? С ложью пополам... Откуда я знаю? Из газет! (Раздраженно.) В общем, мне этот — как там? из восьми букв? адюльтер — и по вертикали, и по горизонтали, — не нравится. (Молчит, слушает.) Олежек, я прошу тебя, не торопись. Зачем тебе это? Ну почему замужняя женщина, которая, кстати, старше тебя на два года?.. (Пауза.) Откуда знаю? Константин Александрович говорил. Когда? (Пауза. Вера понимает, что говорит не то, что нужно.) Давно. Уже не помню. (Пауза.) Нет, ты хорошо подумай, переспи с этой мыслью. Уже? (Пауза.) И что? Остался недоволен? Очень остроумно! Ладно... Если б молодость знала... Все, целую тебя, увидимся в пятницу в Москве. Пока.

Кладет трубку и некоторое время, взволнованная, ходит по номеру. Потом быстро подходит к столу, поворачивает к себе настольные часы и со словами: "Ой, время!", убегает в ванную. Слышен шум воды. Через несколько секунд раздается телефонный звонок. В номер вбегает Вера, у которой маска смыта только с верхней половины лица. Берет трубку.

ОНА: Алло! Олежка, ты?.. Что? (Пауза.) Какой телевизор? Зачем? Что в Нью-Йорке?

Кладет трубку и включает телевизор. Слышен грохот, вой пожарных машин, сирены полиции, диктор говорит на иврите. Через некоторое время Вера бросается к телефону, набирает номер. Еще раз. Кладет трубку, снова берет мобильный, набирает номер, мечется с телефоном по номеру. Потом кладет мобильный на стол, уходит в ванную, но через несколько секунд возвращается в комнату с распущенными волосами, с полотенцем на плече, так толком и не смыв маску. Опять берет телефон, набирает номер и кричит в трубку.

ОНА: Марина?! Ну, слава Богу, хоть ты!.. (Говорит тише.) Ты видела этот ужас? (Пауза.) Я собиралась Костю встречать, он из Нью-Йорка должен был вылететь час назад. Набираю, а связи нет... Марина, я по этим новостям ничего толком понять не могу. Что там? (Молчит, слушает.) Боже!.. (Пауза.) Еще два самолета пропали? Какие рейсы, внутренние или международные? Не знаешь? Подожди секунду. (Снова набирает номер на мобильном, слушает.) Нет связи. Что же делать, Господи? (Пауза.) Мариша, я буду его набирать, но если ты что-то узнаешь, очень тебя прошу, позвони!

Кладет трубку, минуту сидит, сжав голову руками, потом опять набирает номер. Безрезультатно. Ходит по номеру. Снова садится к телефону.

ОНА: Алло! Олежек? Это я. Олег, ты с Константином Александровичем созванивался? Нет связи? (Зажмуривается. Потом берет себя в руки и продолжает.) Если вы созвонитесь, набери меня, а то я волнуюсь. Хорошо? Спасибо, я буду ждать.

Кладет трубку. В этот момент раздается сигнал мобильного.

ОНА (кричит): Да! Да, Костя! Ты где? (Пауза.) Где? Я тебя почти не слышу! Что? (Пауза.) Да, я жду! Да! Костя!

Кладет мобильник, садится перед зеркалом и начинает вытирать лицо. Медленно стирает маску и слезы... Смотрит на запачканное полотенце и уходит в ванную. Тут же возвращается, берет со стола мобильный и снова скрывается в ванной.

На второй половине сцены зажигается свет. Теперь на сцене — два гостиничных номера, между которыми — двуспальная кровать, которая объединяет и в то же время разделяет комнаты.

Во второй номер входит Костя. Он набирает номер на мобильном телефоне.

ОН: Верочка! Это я, да. (Пауза.) Солнышко, не плачь. Все хорошо. Со мной все в порядке. Нет, я рядом с этими небоскребами не был, я только по телевизору видел. Людей много погибло, но сколько — сейчас никто не знает. (Пауза.) Вера, ну ты же у меня молодец. Еще раз тебе говорю: все будет в порядке. Не надо больше плакать, хорошо? (Пауза.) Дай маме трубочку. (Пауза.) Нина! Нин, ну хоть ты не плачь. Рейс отменили, я в гостинице. Нет, ничего пока не знаю. (Молчит.) Я тебя тоже. (Пауза.) Нина, у меня мобильник садится, надо зарядить. Не волнуйся, все будет нормально. (Пауза.) Конечно. Через пару часов узнаю, когда вылечу, и сразу перезвоню. Целую.

Подходит к телевизору, включает его. Некоторое время смотрит. Доносятся те же звуки полицейских и пожарных сирен, голос диктора на английском... Костя снова набирает номер на мобильном. На второй половине сцены Вера выходит из ванной с телефоном в руке.

ОН: Вера! Я уже в гостинице, все в порядке.

ОНА: Костя, как ты, что происходит?

ОН: Я уже был в самолете, два часа не давали взлета... Потом нас вывели, и тогда мы уже все узнали.

ОНА: Костя, что это, война? С кем? Людей много погибло?

ОН: Вера, тут просто конец света, ничего понять невозможно. Торговый центр разрушен, Пентагон горит, жертв много. Тысячи. Может, десятки тысяч. (Молчит.) Вера, я тебя люблю. Родная, я тебе перезвоню, хорошо?

ОНА: Костя, я люблю тебя. Я тебя жду. Я тебя буду ждать...

Костя отключает мобильный и уходит в ванную.
У Веры звонит телефон.

ОНА: Да! Да, Мариша, он только что звонил, мы разговаривали. С ним все в порядке. Рейс, конечно, отменили, он сейчас в гостинице. Сказал, что позвонит попозже. (Плачет.) Я за эти десять минут чуть с ума не сошла. (Пауза.) Да. Мариночка, спасибо тебе, теперь все в порядке, буду ждать его звонка.

На второй половине сцены Костя выходит из ванной. Берет стакан, достает из бара бутылку, наливает себе виски, набирает номер на мобильном. На второй половине сцены у Веры раздается звонок.

ОН: Алло! Это я. Верочка, знаешь, я боюсь, что не смогу вылететь не только сегодня, но и завтра. Тебе нужно менять билет, полетишь в понедельник.

ОНА: Костя! Плохо слышу! В Израиль отменили рейсы?

ОН: Все рейсы отменены. В небе над Штатами — только военные самолеты. Сколько это продлится — не знаю.

ОНА: Костя... У мужа через два дня юбилей.

ОН: Вера, я прошу, дождись меня.

ОНА: Костя, я не могу, никак не могу.

ОН: Вера, я никогда тебя не просил, но сейчас... Ты не представляешь, что здесь происходит. Мне очень нужно тебя увидеть.

ОНА: Знаешь, у меня в жизни тоже были ситуации, когда хотелось, чтобы ты был рядом. Но я всегда учитывала и твою семью, и твою работу. Костя, родной, я тебя прекрасно понимаю, но пойми и ты меня — у мужа юбилей, как будет выглядеть, если я не прилечу? Как я это объясню?

ОН: Да, ужасно! Не попасть на мероприятие, где будут такие гости! Вера, ты же только что говорила, что ждешь меня. (Допивает стакан и наливает себе новую порцию.)

ОНА: Да! И, кстати, жду здесь уже несколько дней. Ты же должен был прилететь еще три дня назад, но у тебя нашлись дела поважнее нашей встречи!

ОН: Я задержался всего на один день, а потом не было билетов, меня поставили на лист ожидания...

ОНА: Все наши с тобой отношения — это лист ожиданий. Пока ждали друг друга — жизнь прошла. Почти прошла. И сейчас я сижу и жду тебя. У Мертвого моря... Как чайка.

ОН: Ты? Чайка? Ну и лети тогда к своему Тригोरину!

ОНА: То же самое я могу пожелать и тебе. (Бросает трубку.)

ОН: Вера! Вера!

Костя набирает ее снова. Вера долго не берет трубку. Наконец, отвечает.

ОН: Вера, прости. Я сам не знаю, что я говорю. Я только что видел людей, у которых... Которые тоже расстались с кем-то вот так — на три дня, на неделю. Не смогли подождать... А из самолета уже не дозвонились... И исправить ничего нельзя. Вера, ты понимаешь, что такое — ничего?

Пока Костя говорит, Вера, придерживая трубку плечом, достает из бара мини-бутылочку водки, открывает ее, наливает себе рюмку и выпивает.

ОНА: Я все понимаю. Пока я не могла до тебя дозвониться, я клялась себе, что если встретимся — я уже никуда тебя не отпущу. И мы всегда будем вместе. А теперь понимаю, что ничего не изменится. Ты же любишь повторять: "Без расставаний нету встреч"... Но ведь каждая встреча может быть последней!.. Ты только сейчас подумал об этом? Да, в Нью-Йорке самолеты падают на город. А год назад в Москве по ночам взрывались дома. Что, это было менее страшно?

ОН: Вера!..

ОНА (перебивая его): Костя, я очень тебя люблю. Я боюсь за тебя. Я хочу быть с тобой рядом. Но в пятницу я буду в Москве. (Молчит и снова наливает рюмку. Грустно, примирительным тоном.) Костя, почему мы с тобой все время ссоримся?

ОН: Меня гораздо больше удивляет, почему мы все время миримся... Ночлег дикобразов: вместе — колемся, врозь — холодно.

Молчат. Одновременно закуривают.

ОНА (после паузы): Ты перезвонил Олегу? Он очень волнуется.

ОН (после паузы): Олегу? Да, перезвонил. Я сейчас как-то не сразу и сообразил, о чем ты.

ОНА: Решаю проблемы по мере поступления... (Выпивает.) Проблема первая: найти тебя и узнать, что с тобой все в порядке. Сделано. Пробле-

ма вторая — успеть на юбилей мужа. Будет сделано. А проблема третья — Олег, который собирается в командировку с твоей дочкой.

ОН: Это не проблема, а факт, с которым надо смириться.

ОНА: Ты знаешь? И не хочешь вмешаться?

ОН: Ты прекрасно понимаешь, что это вмешательство ни к чему не приведет. Все хотят наступать на собственные грабли. И наши дети в этом не оригинальны.

ОНА (смеется): А я вмешалась. Рассказала Олегу о том, как плохо встречаться с замужней женщиной.

ОН (тоже смеется): Это нечестно. Читать проповеди может тот, кто чтит заповеди.

ОНА: Ну, главную заповедь мы с тобой чтим.

ОН: Это какую же?

ОНА: Одиннадцатую.

ОН: Какую???

ОНА: "Не попадись!" (Наливает себе водку.)

ОН: Иногда мне кажется, что только нас не поставили в известность о характере наших отношений. Все остальные в курсе...

Вера в очередной раз наливает себе водку в рюмку, которую держит рядом с трубкой.

ОН: Что там у тебя булькает? Ты что — пьешь?!

ОНА: Да.

ОН: Без меня?

ОНА: Как раз с тобой. Я же слышу, что у тебя в номере что-то позвякивает...

ОН: Что у тебя?

ОНА: Водка.

ОН: А у меня — виски. Первый раз мы вдвоем пьем разное.

ОНА: До сих пор одновременно мы пили за встречу. А сегодня за что?

ОН: За встречу. За нашу первую встречу в Ялте.

ОНА: В прошлом веке... В стране, которой больше нет.

ОН: Но Ялта осталась. И будет.

ОНА: Ну, тогда давай за Ялту.

Одновременно пьют. Вера подходит к приемнику и включает его. Негромко звучит музыка.

ОН: "Мы похожи, может, даже очень,
На тех, кто нужен нам. Но не они...
Так на севере бывают летом ночи
Удивительно похожими на дни".

ОНА: Это чье? Ты мне раньше не читал.

ОН: Ассоциации не возникали... (Пауза.) Что это у тебя там?

ОНА: Радио включила. Не могу больше этот кошмар смотреть...

ОН: Сделай погромче.

Вера делает громче, звучит песня Аллы Пугачевой:

"...Унесет меня быстрый самолет
к тем, кого давно уже люблю.
Мой привычный круг, мой забытый друг
вновь меня к себе влекут.
Три счастливых дня, три больших огня,
три огня на берегу...
Я их сохранию, я их сберегу,
сберегу назло судьбе.
Как же эту боль мне преодолеть?
Расставанья — маленькая смерть...
Расставанья долгий путь — к причалу...
Может быть, когда-нибудь
мы встретимся опять?
Там, где ты, нет меня,
Там, где я, —
Там нет,
там нет со мною места рядом милый...
Там, где ты, нет меня.
Вот и все, прощай..."
Свет в обоих номерах медленно гаснет.

АКТ IX

2005 год.

Современный гостиничный номер. На стене висит плакат-календарь 2005 года. На сцене — Вера, она примеряет перед зеркалом красивое длинное платье сиреневого цвета. Затем садится у телефона, набирает номер.

ОНА: Аркадий Сергеевич? Здравствуйте, это Вера Васильевна. (Пауза.) Да. Мы определились с количеством. Будет 30 человек. (Пауза.) Да, вы правы. Мне тоже никогда не нравились свадьбы на сотню гостей, где никто никого не знает... Да, икру обязательно подать в ледовых вазах. И проследите за телятиной. (Пауза.) Да, спасибо. Всего доброго.

Договорив, Вера снова идет к зеркалу и долго стоит перед ним, явно думая не о платье... В номер заходит Константин в красивом костюме. Подходит к Вере, обнимает ее.

ОНА: Вот, решила примерить. Как тебе?

ОН: Ты будешь самая красивая. Закрой глаза.

Вера послушно прячет лицо в ладони. Константин скрывается за дверью и возвращается с бутылкой шампанского и букетом роз, которые, видимо, оставил прямо под дверью номера.

ОН: Поздравляю тебя...

Вера открывает глаза и смахивает слезинку.

ОН: Ну что ты...

ОНА (целуя Константина и принимая букет): Двадцать пять... А я думала, за всей этой суетой ты и не вспомнишь.

ОН: Такую круглую дату — и забыть! Тридцать лет. Больше, чем роз в букете.

Вера начинает разбирать букет и расставлять цветы в вазы.

ОНА: А помнишь, в 89-м... Или нет, в 88-м? В Питере, когда самолет задержали... ты приехал поздно ночью, первый раз без цветов...

ОН: Не помню.

ОНА: Было-было. Я ужасно расстроилась. Да, точно, это было в 88-м, мы с тобой встречались уже 13 лет. И дата несчастливая, и дождь шел такой унылый... Ты уже спал, а я полночи не могла уснуть. Так тоскливо стало! Решила — хватит. Утром встану пораньше, пока ты спишь, и уеду. Без объяснений, сам все поймешь.

ОН: Почему же не уехала?

ОНА: Ты не отпустил.

ОН: Не помню.

ОНА: А ты и не можешь помнить. Я проснулась, когда еще шести не было... Ты меня держал за руку. Во сне. Не обнимал, просто держал за запястье, крепко-крепко.

Вера ставит вазу с цветами на столик. Константин подходит к Вере, глядя на нее, берет одну розу и отрывает лепестки.

ОНА (смеется): И думать не смей! За тридцать лет так и не понял, что от этих лепестков — жуткие пятна. Ты же мне платье испортишь, в чем я завтра буду? Лучше переоденусь, от греха подальше. (Уходит в ванную.)

ОН (себе под нос): От греха подальше... (Громко — Вере в ванную.) Вера, от греха подальше — это как?

Вера выходит в брюках и блузке, а вечернее платье вешает в шкаф.

ОН: Мы с тобой всю жизнь прожили в разных городах, а потом еще и в разных странах оказались. Куда уж дальше — от греха... Но все равно были рядом. Пусть не вместе, но рядом.

ОНА: Есть такое состояние: иметь, но не касаться.

ОН (достаёт из кармана пиджака футляр): Посмотри, какие кольца.

ОНА (рассматривает, не вынимая из футляра): Красивые... А с размерами не ошибся? Как в первый раз?

ОН: Завтра проверим! (Убирает футляр, берет бутылку шампанского и открывает ее.) Давай выпьем, пока не началось.

ОНА: А без выпивки мы не можем?

ОН: Веселие Руси есть пити.

ОНА: Без тоста?

ОН (наливая шампанское в бокалы): Хорошо моряку — после длинного рейса ждет его на причале девушка. Хорошо водителю-дальнобойщику — после дальней командировки ждет его в гараже девушка. Хорошо машинисту электропоезда — после долгой поездки ждет его в депо девушка. Плохо девушке: то на причал, то в гараж, то в депо... За нас, за девушек!

ОНА: Сколько можно этих анекдотов?! Нормального тоста сказать не можешь...

ОН: Вся наша жизнь — это длинный анекдот с печальным концом.

ОНА: Какой же анекдот, если с печальным?..

ОН: Я же сказал — длинный.

ОНА: Нет, давай выпьем за детей, внуков и родителей. Никого не пропустили?

Звонит гостиничный телефон. Константин берет трубку.

ОН: Алло. Да, Олег, это я. (Вера испуганно машет руками.) Зашел к Вере Васильевне поинтересоваться, как дела, она же у нас ответственная за фуршет. Пардон, за банкет. Да, даю. (Передает трубку Вере.)

ОНА: Да, Олежек. (Пауза.) Да, конечно. Я к вам зайду. Что? (Пауза.) Нет уж, доверься женщинам и не мешай. (Кладет трубку.) Ты зачем трубку взял, конспиратор?

ОН: Брось, ничего страшного.

ОНА: Ты уверен, что он про нас с тобой ничего не знает?

ОН: Может, делает вид. А ты до сих пор этого боишься?

Вера закуривает.

ОН: Новости! Ты что — опять? Года три не видел, чтобы ты курила.

ОНА: Волнуюсь.

ОН: Ерунда. Марш Мендельсона, "согласны ли вы стать мужем и женой?", кольца, фотографии... Ты что, не помнишь, как это происходит?

ОНА: Тебе проще, ты дочку уже второй раз замуж выдаешь, а я сына впервые женю.

ОН: Ну, тогда поделюсь опытом. После того как они обменяются кольцами и поцелуются, загосская тетка скажет, что в жизни их ждут не только радости, а потом прикажет им подойти к родителям и низко поклониться. Обе мамы обычно в этом месте рыдают в три ручья.

ОНА: До сих пор я с твоими женами встречалась только в кошмарных снах. И не думала, что мы будем когда-нибудь плакать вместе по такому поводу.

ОН: А по какому это поводу вы собирались плакать вместе?! Не дождетесь! Ладно, не только ты переживаешь. Мне тоже предстоит с твоим мужем обниматься.

ОНА: Надеюсь, что у вас с Тригориным до дуэли дело не дойдет.

ОН: Какая дуэль?! В моей анкете наконец-то появятся номенклатурные родственники. Он же у нас почти министр. Прости, у тебя.

ОНА: Костя, ты только не злись, но министр тоже будет.

ОН: Ну, понятно... Вечная тема... Я, кстати, летел сюда через Стамбул. Там, как и везде, досматривают ручную кладь, отнимают маникюрные ножницы, пилочки... Женщины расстраиваются... Потом, наконец, заходим в родной российский самолет и первое, что видим в салоне — пожарный щит с ледорубом и багром, с которым можно на тигра идти...

ОНА (смеется): Да, странна страна моя...

ОН: А Марина когда приедет?

ОНА: Сегодня вечером.

ОН: Будет хоть один родной человек.

ОНА: Ты же ее никогда не видел!

ОН: Не видел, но она — единственная наша с тобой общая знакомая.

ОНА: Знаешь, что она сказала, когда узнала, что свадьба будет в Ялте? "Преступников всегда тянет на место преступления". Хотя я ей и объясняла, что это не мы так захотели, а Олег решил: свадьба здесь, и сразу — в круиз.

Костя включает телевизор, звучит мелодия нового-старого советского гимна ("Союз нерушимый республик свободных...").

ОНА: Правильно говорят: все новое — хорошо забытое старое.

ОН: Ну, это "старое", по-моему, забыть не удастся.

ОНА (выключает звук телевизора): Костя, я часто думала... Люди любят друг друга, женятся, после них остаются дети... Когда любимые долго не встречаются, пишут. После них остаются письма... А от нас что останется? Счета на мобильники?

ОН: А цветы? Гербарий?

ОНА: Так ни лепесточка же не осталось!..

ОН (вскакивает): Неси книги.

ОНА: Какие книги?

ОН: Какие есть.

ОНА: Да никаких нет! У сына свадьба, мне не до чтения.

ОН: Давай телефонный справочник.

Вера берет с тумбочки телефонный справочник. Костя вынимает из вазы цветов, отламывает длинный стебель, вкладывает розу между страницами и пытается закрыть книгу. Вера оторопело следит за ним. Роза крупная, книжка не закрывается...

ОН: Ты не знаешь, как раньше эти цветы в книгах прессовали? Клали сверху что-нибудь тяжелое?

ОНА: Наверное. Утюги. Раньше массивные были, на углях...

ОН: Утюга нет, придется пригрузить тем, что есть. (Кладет книгу на стул, садится сверху.)

ОНА (смеется): Ну, спасибо, сушеным цветком на память обеспечил. (Берет Константина за руку и заставляет подняться со стула.) Может, еще и ребенка родить успеем?

ОН: Ребенка — не уверен. Зато через полгода у нас с тобой внук родится.

Вера сама медленно садится на книжку.

ОНА: Уже???

ОН: Что значит "уже"? Нашим детям "уже" за тридцать. Давно пора.

ОНА: А мне Олег ничего не сказал.

ОН: Не обижайся, он просто не успел. Обязательно скажет, завтра.

ОНА: Ты его всегда защищаешь... Все переплелось — я и ты, ты и Олег, Олег и Ира...

ОН: А виной всему — случай и песня про белый теплоход.

ОНА: Случай... Псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться...

ОН: Пойдем в ресторан, потанцуем...

Вера встает, Константин обнимает ее за талию, и они выходят из номера. Свет постепенно гаснет, и все громче звучит песня:

"Ах, белый теплоход,
Гудка тревожный бас
Встречает за кормой
сиянье синих глаз.
Ах, белый теплоход,
Бегущая вода,
Уносишь ты меня,
Скажи, куда?"